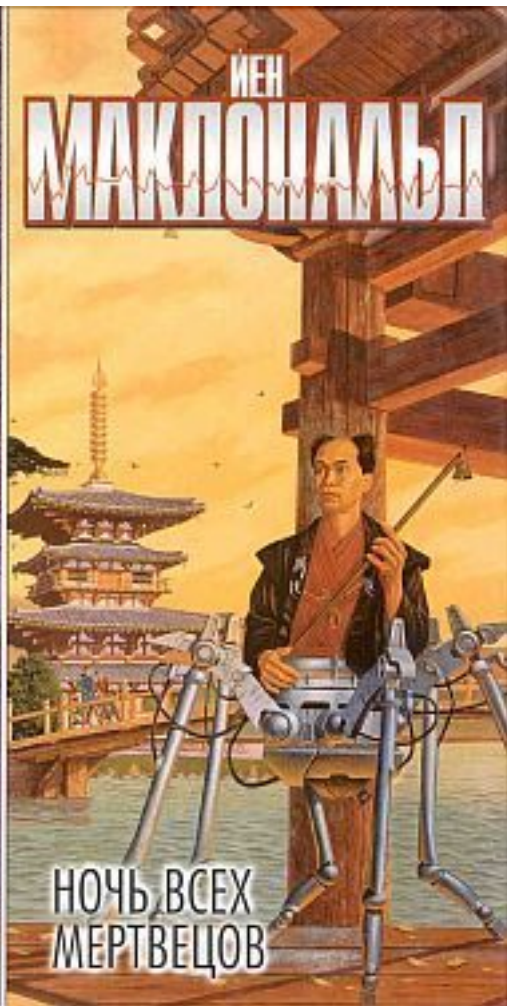

МЕН
МАКДОНАЛД

НОЧЬ ВСЕХ
МЕРТВЕЦОВ

Йен Макдональд
Ночь всех мертвецов
Серия «Некровиль», книга 2

Сканирование – Машиа, вычитка – Яна
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160271

Ночь всех мертвецов: АСТ; Москва; 2003

ISBN 5-17-016659-1

Оригинал: IanMcDonald, "The Days of Solomon Gursky"

Перевод:

Светлана В. Силакова

Аннотация

«Ночь всех мертвецов» продолжает идею, начатую Макдональдом в романе «Некровиль», написанного в 1994 году. Это калейдоскопическое видение мира, населенного мертвыми. Достижения науки позволили с помощью нанотехнологий воскрешать из мертвых. Технически подобное существо уже не может называться живым. Его сознание остается и развивается по-прежнему, но возможности организма к изменениям и обретению новых способностей становятся поистине безграничными. Мертвое – норма, жизнь мяса ограничена. Тем, кто называют себя «живыми» не очень нравится такая ситуация. Но война между живыми и мертвыми, мало заботит последних. Они бессмертны. Они могут умирать, но

будут восстановлены. По истечению веков они становятся почти богами.

Содержание

понедельник	5
вторник	15
среда	28
четверг	43
пятница	61
суббота	82
воскресенье	101

Макдональд Йен

Ночь всех мертвецов

понедельник

На горе у Сола полетела передача. Случилось это так: он переключился на шестую скорость, чтобы одолеть крутой подъем. Но шестой скорости не оказалось. Ни пятой, ни четвертой – одна нулевая.

Элена, уже достигнув вершины, насмеялась над тем, как он надрывается и потеет на вьющейся между сосен тропке. Его набухшие мускулы стали похожи на узловатые стволы мезозойских хвойных деревьев, вены и сухожилия натянулись, как канаты висячего моста. Но тут она увидела, что зубчатка отломилась и крутится сама по себе.

Их велосипеды уже успели доблестно выдержать тяжелый переход через горную пустошь, что раскинулась к югу от Ногалеса. Две тысячи долларов штука – но продавец поклялся девичьей честью всех своих незамужних сестер, что эти внедорожники фирмы МТВ проедут где угодно, исполнят любое желание седока – хоть сам пик Эль-Капитан покорят, если надо. И вот на пятый день похода – в трех днях пути от ближайшего дилера фирмы «Дерт-Лобо», как сообщила карманная электронная карта Элены, – зубчатая передача пре-

вратилась в две одинаковые половинки. А впереди еще десять дней, еще четыреста миль, еще пятьдесят гор, которые так нравятся Соломону Гурски. И все нужно пройти на высшей передаче.

– Вы это должны были предвидеть, господин инженер, – заметила Елена.

– Когда я плачу за велик две тысячи баксов, я никому ничего не должен, – ответил Соломон Гурски. На вершине высокой горы Кровь Христова было жарко – полуденный зной, пропахший смолой престарелых сосен. Знойное марево заволакивало обе долины – ту, откуда Сол с Эленой приехали, и ту, куда они держали путь. – И вообще, знай – я не по этой части инженер. Мои шестеренки гораздо меньше. И, кстати, не ломаются.

Элена отлично знала, по какой части он инженер, да и он знал, каких наук она доктор. Но их роман только начинался – он был в той стадии, когда коллеги по научной работе, сделавшись, к собственному удивлению, любовниками, с огромным удовольствием прикидываются почти незнакомыми между собой.

Согласно карте Элены, в пяти милях ниже по долине имелся населенный пункт. Он назывался Реденсьон. Вполне возможно, что там найдется умелый и расторопный сварщик, ничего не имеющий против норте-долларов.

– Твое счастье – поедем под горку, – сказала Елена, оседлала, сверкнув ярко-синими стегаными шортами, велосипед

и пулей унеслась вниз. Не прошло и секунды, как Сол Гурски (рубашка-шорты-туфли-очки-шлем), продираясь сквозь заросли шалфея, устремился вслед. Их отношения все еще не стали привычкой, был тот упоительный период, когда страсть разгорается при одном взгляде на обтянутую ярко-синей лайкрой попку.

Реденсьон значит «избавление». И поселок действительно был избавлением от проблем, какие только возможны в этих приграничных горах: здесь имелись бензоколонка, магазин и кемпинг с трейлерами, где можно было поселиться на день, на неделю или, если вам совсем уж некуда деваться, на всю жизнь. Кафе для дальнобойщиков и джакузи для ночного активного отдыха прямо под звездным небом приграничья. Никаких сварщиков. Вместо них – кое-что получше. Всплывшая из жаркого марева густая крона солнечного дерева – такова была первая примета, подсказавшая ехавшим по дряхлому, покрытому трещинами, пустынному шоссе путникам, что Реденсьон уже рядом.

Завод находился в уродливой кирпичной пристройке к домику, где торговали бензином и едой. Сол и Элена обогнули домик. За ними, плененный этими разряженными в попугайские цвета фантастическими существами с колоссальными очками-консервами вместо глаз, увязался какой-то шофер-дальнобойщик. На ходу он жевал сэндвич. Других дел в Реденсьоне в этот знойный понедельник он явно не нашел. Что до Хорхе, хозяина заведения, то он выглядел слиш-

ком молодо для того, чтобы торговать бензином, едой, прицепами и прочими молекулами в Реденсьоне – в зной ли, в холод. Хорхе было лет тридцать (тридцать-плюс-жизненный-опыт). Брюнет с серьезным лицом. В нем чувствовалась какая-то надломленность. Елена сказала Солу по-английски, что у Хорхе, похоже, тяжело на душе. Но сломанной передачей он занялся рьяно, сам помог Солу снять ее с заднего колеса. Восхищенно воззрился на ровненький, гладкий разлом.

– Это я могу сделать, – заявил он. – Работы на час-полтора. А пока не хотите ли освежиться в джакузи? – Последнюю фразу он произнес, морща нос, брезгливо принюхиваясь к двум велосипедистам, которые спустились с горы в самый жаркий час. Шофер ухмыльнулся. Елена нахмурилась. – Вас там никто не побеспокоит, – настаивал Хорхе, хозяин нанозавода.

– Есть что-нибудь попить? – поинтересовалась Елена.

– Конечно. Кока, спрайт, пиво, агуа-минераль¹. В магазине.

Элена обошла шофера, держась как можно дальше, и отправилась исследовать холодильник. Сол вошел вслед за Лорхе в цех и стал смотреть, как тот кладет передачу в сканер.

– Вообще-то это и моя профессия, – проговорил Сол из вежливости, пока лазеры производили трехмерную съемку

¹ минеральная вода (исп.). – Здесь и далее примеч. пер.

маленького зубчатого зиккурата.

Сол сказал это по-испански. По-испански говорили все. Отныне испанский был всеобщим языком не только на южной, но и на северной территории.

– У вас завод?

– Я инженер. Я делаю эти штуки. Не сканеры – текторы. Я их конструирую. Наноинженерия.

Монитор сообщил Хорхе, что съемка завершена.

– Для корпорации «Тесслер», – добавил Сол, когда Хорхе запустил процессор.

– Что мне с ней сделать?

– Я хотел бы надеяться, что она больше не подложит мне свинью. Вы можете слепить ее из алмазов?

– Все на свете – лишь атомы, амиго.

Сол принялся рассматривать камеры нанопроцессора. Ему нравилось, что они были похожи на дистилляторы для виски: круглобрюхие, высокогорлые, они протыкали крышу завода и упирались в растопыренные пальцы солнечного дерева. Ох и крепкий же дух в этих дистилляторах – дух межгалактического вакуума, холод абсолютного нуля и призраки-текторы, которые снуют в студеной пустоте, тасуя атомы. Сол жалел, что законы физики не позволяют снабжать нанозаводы смотровыми окошечками. Жаль, что нельзя, опустив глаза, увидеть акт творения сквозь безупречно прозрачный бриллиантовый лист. Ну да ладно – пусть созидание вещей остается незримой для глаз тайной. Возможно, так лучше.

Все на свете – лишь атомы, амиго. Да, но очень важно, что ты сделаешь с этими атомами, куда их погонишь. К каким странным сожительствам и мутациям принудишь.

Он вообразил себе, как крохотные – даже меньше вирусов – машины, умные связки атомов таскают углерод по корням нанозавода, что зарылись глубоко в землю Реденсьона. Поднимают его по капиллярам к камере процессора, лепят из него алмазы в заказанной им, Солом, форме.

Алмазная передача для велосипеда.

Сол Гурски поежился в своей легкой амуниции велотуриста – холод нанопроцессора пронзил его душу.

– Это тоже мой ребенок, – сказал он. – Я конструировал для него текторы.

– Я в этих делах мало понимаю. – Хорхе достал из стоявшего на полу ящика пару бутылок пива. Открыл их о дверной косяк. – Купил всю лавочку целиком у одного человека два года назад. Он уехал на север, в Трес-Вальес. Вы оттуда?

Пиво было холодное. В несравнимо более глубокой, темной, холодной утробе процессора суетились наномашины.

– Оттуда – как и все.

– Ну, пока еще не все... Как вы сказали, где вы работаете? «Нанознс»? «Эворт-Оз-Вест»?

– «Тесслер-корп». Заведую лабораторией биологических аналогов.

– Никогда о такой не слышал.

«Еще услышите», – собирался сказать Соломон Гурски.

Но тут раздался крик.

Крик Элены.

Нет, подумал он на бегу, дело было не в том, что он узнал голос Элены (на данной стадии отношений такого в принципе не могло быть), просто он знал, что тут больше некому кричать.

Она застыла у распахнутой задней двери «Бензина и еды», бледная и дрожащая в ослепительных лучах солнца.

– Простите, – проговорила она. – Я только хотела налить воды. В холодильнике простой воды не было, а кока-колы мне не хотелось. Я только хотела налить воды из крана.

Чувствуя спиной, что за ним идет Хорхе, Сол вошел в кухню. Мужской беспорядок: двадцать кружек с недопитым кофе, коробки от пончиков, пивные банки, молочные пакеты. Ложки, ножи, вилки. Он сам тоже так жил, и Элена вечно его песочила, что он не моет за собой посуду – просто берет каждый раз чистую. И тут Сол увидел за дверью фигуры. Откуда-то донесся голос Хорхе:

– Простите, но это мой дом.

Их было три: красивая, много потрудившаяся на своем веку женщина и две маленькие девочки, одна младшего школьного возраста, другая – не так давно научившаяся ходить. Они сидели на стульях, держа руки по швам, и смотрели прямо перед собой.

Лишь благодаря тому, что они не моргали, что их тела не вздымались в такт дыханию и сердцебиению, Сол догадался,

кто перед ним.

Цветовая гамма была абсолютно адекватной. Он прикоснулся к щеке женщины, к свисающему темному локону. Все теплое, мягкое. Как у настоящей. Текстура – один в один кожа. Его пальцы оставили след на пыльной щеке. Они сидели не мигая, не шевелясь, женщина и ее дети, замурованные в склеп из своих личных вещей, а ныне – экспонатов. Фотографии, игрушки, мелкие украшения, любимые книги и безделушки, гребни, зеркала. Картины и одежда. Вещи, из которых строится жизнь. Сол расхаживал между фигурами и их имуществом, зная, что вторгся в святилище, но влекомый необоримой силой к этим симулякрам.

– Это ваши? – где-то вдаль спрашивала Элена, а Хорхе кивал, и его губы шевелились, но слова не получались. – Простите, пожалуйста, простите, ради бога.

– Сказали, разрыв, – произнес наконец Хорхе. – Ну знаете, эти шины, про которые говорят, что они сами себя лапатают и никогда не рвутся? Они порвались. Они полетели за барьер вверх тормашками. Так сказал шофер грузовика. Раз – и все, он видел, как они висят вверх тормашками. Точно время для них остановилось, понимаете. – Он замолк. – Потом у меня долго было темно перед глазами: совсем спятил, знаете? Когда я снова стал видеть жизнь, я купил вот это все на страховку и компенсацию. Как я говорю, все на свете – лишь атомы, амиго. Надо их расставить в правильном порядке. Загнать куда хочешь, заставить делать что ты хочешь.

– Извините, что мы зашли без спросу, – произнесла Елена. Но Соломон Гурски стоял среди реконструированных мертвецов, стоял с таким лицом, будто его взгляд, пронизывая близкие вещи, уперся во что-то далекое, увидел самого Бога.

– Здесь народ добрый. – Но улыбка Хорхе была мучительной, точно на лице рвались швы. – В таком месте могут жить только немножко чокнутые или которые сами не знают, чего хотят.

– Она была очень красивая, – проговорила Елена.

– И есть.

В солнечных лучах, проникавших в комнату через окно, роились сияющие пылинки.

– Сол?

– Ага. Иду.

Через двадцать пять минут алмазная передача покинула камеру. Хорхе помог Солу приладить ее к велосипеду, стоявшему две тысячи норте-долларов. Затем Сол сделал круг вокруг магазина-бензоколонки-конторы-кемпинга, внутри которого под медленным дождем пыли восседали немигающие идолы мертвых. Сол переходил со скорости на скорость, повышал их и понижал. Первая-вторая-третья-четвертая-пятая-шестая. Шестая-пятая-чет-вертая-третья-вторая-первая. Потом он заплатил Хорхе пятьдесят норте – мизерную сумму, которую тот запросил за свои алмазы. Елена помахала Хорхе, и они выехали из Реденсьона на шоссе.

Они занимались любовью у костра, на вершине горы. Под

ними был ковер из сосновых иголок. Над ними – звезды. Их роман находился в фазе жадности, беззастенчивости, открытий. Давняя смерть, живущая в лежащей внизу долине, не позволяла им терять время зря. Потом он надолго замолчал, замкнувшись в собственных мыслях, а когда она спросила, о чем он думает, ответил:

– О воскрешении мертвых.

– Но они не воскресли, – сказала она, моментально поняв, что он имеет в виду – то же самое угнетало и ее на этой открытой звездам вершине. – Это просто изображения вроде картин или фотографий. Статуи воспоминаний. Симулякры.

– Но для него они реальны. – Перекатившись на спину, Сол уставился на теплые звезды приграничья. – Он мне сказал, что разговаривает с ними. Если бы его нанозавод мог заставить их двигаться, дышать и отвечать ему, он сделал бы это. И кто бы тогда осмелился назвать их нереальными?

Он почувствовал, как поежилась Элена.

– Что такое?

– Подумала об этих лицах. Представила их в реакторе, в холоде и пустоте, и как текторы по ним ползают.

– Ага.

Долго-долго – звезды успели передвинуться – никто из них не говорил ни слова. Потом Соломон Гурски ощутил внутри себя вновь разгорающийся жар и, обернувшись к Элене, ощутил тепло ее плоти, которая отчаянно жаждала его второй маленькой смерти.

Вторник

Марша уже начинала беситься в своей пластиковой корзинке: металась из угла в угол, дергала решетку.

Сол Гурски поставил корзинку (типа тех, в которых обычно перевозят кошек) на сетчатое покрытие посадочной площадки и вгляделся в красновато-бурый смог, высматривая приближающиеся аэролеты. Фотохромные молекулы, приращенные к его зрачкам, потемнели – над ТВМА занималась заря очередного жаркого, ослепительного, ядовитого дня. Марша завизжала.

– Заткнись, проклятая, – прошипел Сол Гурски. Пнул корзинку. Марша, что-то тараторя, просунула свои ручки сквозь решетку, пытаясь дотянуться до свободы.

– Слушай, ну чего ты хочешь от обезьянки, – упрекнула Сода Елена.

«От обезьянки». В том-то и беда. Обезьяны раздражали его самим фактом своего существования. Иногда просто доводили до белого каления. Мелкие твари, миниатюрные гомункулусы, выдающие себя за людей. Ловкие маленькие пальчики, мудрые крохотные глазки, выразительные лица с ладошку. Но за этими лицами, за этими неотличимо-человеческими пальцами скрываются тупые животные.

Сол знал, что его неприязнь к обезьянам абсолютно алогична. Но все равно с огромным удовольствием убил Мар-

шу, распятую суперпластырем на снежно-белом лабораторном столе. Намылить, выбрить, вонзить иглу.

Конечно, тогда она еще не была Маршей. Просто особью вида резус. Безымянным орудием из плоти и крови. Экспериментом номер 625G.

Наверное, она развизжалась из-за смога. Надо было достать для нее очки, в каких пуделей выгуливают. Но Марша вмиг сорвала бы их с себя своими маленькими человечьими пальчиками. Она умная – у нее хватило соображения остаться дурой обезьянкой.

Элена стояла на коленях перед корзинкой, играя в «со-року-воровку» со стиснутыми кулачками, торчащими Из-за решетки.

– Смотри, еще укусит.

У него самого рука все еще ныла. Мокрая, дрожащая, в спастическом состоянии после резервуара, Марша все же достаточно владела своей моторикой, чтобы повернуть голову и прокусить Солу большой палец до кости. Макака-вампир: вурдалачья жажда крови. Мерзкая тварь. Он с удовольствием убил бы ее еще раз – не будь она бессмертной.

Все три существа на посадочной решетке подняли глаза к небу, когда сквозь завеси монотонного шума (от беспрестанно работающих двух миллионов автомобильных моторов) пробился рев двигателей аэролета. Он летел с юга, с той стороны долины, где на Гуверовском бульваре, прямо на линии тектонического разлома сама себя растила новая штаб-

квартира корпорации. Он летел низко и быстро, опустив нос, воздев к небесам зад – точно огромный жук, чье дыхальце уловило пьянящий запах углеводорода. Окрестные пальмы закачались под воздушными струями из его турбин. Аэролет, перестроившись на вертикальный режим, опустился на посадочную площадку института. Сол Гурски и Элена Асадо закрыли руками свои уже защищенные от солнца глаза, спасаясь от взметенных в воздух листьев и пыли.

Марша носилась по своей пластмассовой клетке, вереща от ужаса.

– Доктор Гурски, – Солу показалось, что с этим конкретным корпоративистом он еще не встречался, но точно сказать было сложно – Адам Тесслер старался, чтобы его персональные ассистенты походили на клонов из его же нанопроцессора, – у меня не хватает слов, чтобы выразить восхищение мистера Тесслера вашей работой.

– Ты должна полететь со мной, – сказал Сол Элене. – Идея твоя. – И уже ассистенту: – Доктор Асадо должна полететь со мной.

Элена пригладила свои всклокоченные воздушными струями волосы:

– Нет, Сол, там мне не место. Это было твое дитя. Ты его выносил и родил. И потом, ты же знаешь, ненавижу общаться с «пиджаками».

Последнее предназначалось для улыбчивого ассистента – но тот уже вел Сола к распахнутой дверце.

Сол пристегнул ремни, и воздушный корабль, запустив турбины, накренился. Сол проводил глазами Элену – та, помахав рукой, побежала обратно зданию института. Крепко вцепившись в корзинку, ощутил что-то вроде удара под дых – аэролет перешел на горизонтальный режим. В корзинке, перепуганная до полусмерти, сама с собой толковала мертвая обезьянка.

– Что у вас с пальцем? – спросил корпорадист.

Когда Сол расколол резервуар и вытащил макаку Маршу из вод ее второго рождения, обезьянка жутко сердилась: похоже, не из-за того, что побывала на том свете, а потому, что промокла. Миг абсолютного, священного безмолвия, затем – одновременно – грязное ругательство и струя крови и, наконец, ликующий рев всей команды, работавшей над проектом «Лазарь». Обезьянка, встревоженная дикими аплодисментами и криками, шныряла по полу в поисках убежища повыше. Елена поймала ее, когда та, судорожно дергаясь, пыталась безуспешно вскочить на стол. Елена завернула ее в термоизолирующее одеяльце и засунула бьющееся в корчах существо в наблюдательный инкубатор. Не прошло и часа, как у Марши полностью восстановилась регуляция моторики, и она уже глодала углы своего пластикового манежа и вычесывала воображаемых блох. Пока фургоны доставляли в институт штабеля пиццы и ящики с дешевым мексиканским шампанским, кто-то догадался позвонить Адаму Тесслеру.

В воздухе ожившей обезьянке не понравилось. Она раз-

разилась такими визгливыми причитаниями, что даже пилот не выдержал.

– Перестань, – рывкнул Сол Гурски. Но тварь и не думала его слушаться, а, раскачиваясь на своем голом задуге вперед, вопила еще пуще.

– Разве можно так разговаривать с историческим событием? – проговорил ассистент. Нагнувшись к решетке, ухмыльнулся, пошевелил пальцами, пощелкал языком. – Привет, братишка. Как его звать?

– Вообще-то это сестренка. Мы зовем ее Марша. Она же Невеста Франкенштейна.

«Куси его», – подумал Соломон Гурски. Под брюхом аэроплана «Тесслер-корпорады» плыли десять тысяч зеркальных бассейнов. Франкенштейн создавал нежить. В том-то и суть. В том-то и новаторство.

На дворе стоял Век Всевластия, но люди не удовольствовались своим умением превращать любую ненужную вещь в нужную. Ибо продолжало существовать нечто, не желавшее подчиняться текторам «Нанозиса», «Аристида-Тлакальпо» и других отцов нанотехнологической революции. То была смерть. Весь оптимизм и отчаяние Века Всевластия выражены в Постулате Уотсона – словах одного из пионеров нанотехнологии. «Забудьте о превращениях мусора в нефть и астероидов в ряды «фольксвагенов», о возможности повесить в гостиной точную копию холста Ван-Гога. Первоочередная задача нанотехнологии – сделать нас бессмертными».

Вложенные в исследования пять миллиардов ТОб-долларов разрушили последнюю преграду. Текторы трансформировали все, к чему прикасались, и убивали все, что трансформировали. Команда Гурски и Асадо раньше своих конкурентов создала вирусы-репликаторы, которые внедрялись в живые клетки и превращали их в матрицы на базе текторов. Их ДНК множились, точно споры, в миллионах экземпляров. Гурски и Асадо вывели алгоритм смертоносной эффективности карцином. Провели эксперименты в пробирках и резервуарах. Нарекли еще одну безымянную макаку-резуса Франкенштейном и впрыснули в ее тело текторы. На глазах Сола и Элены крохотные машины медленно превращали тело обезьяны в нечто, чего не могла вообразить себе даже гангрена.

Элена хотела добить макаку из жалости, но они боялись открывать резервуар, опасаясь заражения. Спустя неделю животное отмучилось.

Монстр развалился на части. Именно так это выглядело. И тут Асадо и Гурски вспомнили жаркий день в поселке Реденсон, когда Сол обзавелся алмазной передачей.

Если смерть – комплексный процесс, нагромождение микросмерти поверх мини-смерти, поверх малой смерти, поверх среднего-размера-смерти, вполне возможно, что жизнь повинуется тому же энергетическому закону. Неуклонно нарастающая антиэнтропия. Модель финансовой пирамиды.

Вывод Гурски из Постулата Уотсона: «Первоочередная задача нанотехнологии – воскресить мертвых».

Из янтарного марева поднялась Черная Башня. Придуманный Солом и Эленой для собственного употребления шуточный термин пошел гулять из уст в уста, и теперь весь персонал научно-исследовательского подразделения корпорации именовал сооружение, которое Адам Тесслер строил на дне долины, «Барад-Дуром, что в Мор-доре, над коим клубится красный смог», а Адама Тесслера – его бессонным Всевидящим Глазом.

Сейчас башня насчитывала больше пятидесяти ярусов, но, судя по всему, не собиралась этим ограничиваться. Как только очередная секция затвердевала и впадала в спячку, в нее, проделав отверстие в стене, вселялся следующий элемент разветвленной корпорации Адама Тесслера. Архитекторы-люди понятия не имели, когда она перестанет расти. Может быть, когда достигнет километровой или полуторакилометровой высоты – если стабилизируются и отомрут архитекторы-текторы. Сол ненавидел ее глянцево-черные зубцы и наросты и вообще всю эту помесь геологических процессов с раковой опухолью. Стиль – Гауди, материал – дерьмо.

Аэролет завис высоко над стройкой, отдался во власть навигационного поля, сделал круг.

«Все на свете – лишь атомы, амиго», – сказал тот парень, хозяин нанозаводика. Сол запомнил его имя. Живые и мертвецы сложены из одинаковых атомов.

Они начали с малого – с парамеций, с амёб. С едва живых существ. Так и пошло. Беспозвоночные. Реанимированные тонконогие тараканы, снующие по инсектарию. Биологические машины, наномашинны – все равно машинны. Машинны для выживания. Теперь дави их, не дави – все бесполезно. они возвращаются с того света.

Что толку воскресать, если когда-нибудь опять умрешь?

Тараканы возвращались к жизни. И вновь возвращались. И вновь.

Теперь уже Сол осторожничал, ратовал за то, чтобы неторопливо подняться по всем ступенькам эволюционной цепи. Но Елена не желала медлить. Она хотела взяться за обезьян. От обезьяны недалеко до человека.

На его глазах орда текторов набросилась на животное, содрала кожу с плоти, плоть с костей, разъяла сами кости. На его глазах наномашинны сложили все это вновь в форме обезьяны. Она покоилась в жидкости – целая и невредимая, но, судя по приборам, мертвая. И вдруг линия на мониторе подпрыгнула и еще раз подпрыгнула, и в такт ей задергалась вторая, и подключилась третья, и вскоре все линии на экране резвились сообща, и мертвое существо восстало из праха.

Аэролет спускался, держа курс точно в центр белого креста на посадочной площадке, которая прилепилась к боку растущей башни. Аппарат приземлился. Покачался на своих жучьих лапках. Надпись «Пристегнуть ремни» погасла, трап выдвинулся.

– Веди себя прилично, – приказал Соломон Гурски обезьяне.

Всевидящий Глаз ждал у дверей башни. Его сопровождали верные назгулы.

– Сол.

Теплая сильная рука стиснула его пальцы, на за все годы знакомства с Адамом Тесслером Соломон Гурски не доверял ему ни секунды – ни как студенту нанотехнологического факультета, ни как главе самой динамичной нанотехнологической корпорации в Сфере Совместного Процветания Тихоокеанского Бассейна.

– Ах вот она какая? – Адам Тесслер нагнулся к корзинке и загукал, обращаясь к обезьянке.

– Она кусается.

– Вижу. – Марша вцепилась в палец Адама своей крохотной розовой ручкой гомункулуса. – Итак, ты победил последнего врага человечества.

– Нет. Не победил. Просто обнаружил то, что расположено с той стороны смерти. Не бессмертие – воскрешение.

Адам Тесслер открыл клетку. Марша, вскарабкавшись по его руке, уселась на плече пиджака от Скарпаччи. Тесслер пощекотал ее мохнатое брюшко.

– А люди?

– Укажи мне однопроцентную разницу между ее ДНК и нашей.

– Ага. – Адам Тесслер зажмурился. – Это только услож-

няет дело.

По телу Соломона Гурски, точно болезнь, разлился страх.

– Оставьте нас, пожалуйста, – сказал Адам Тесслер своим ассистентам. – Через минутку я к вам присоединюсь.

Не говоря ни слова, они гуськом удалились в аэролет.

– Адам?

– Сол, почему ты это сделал?

– О чем ты, Адам?

– Сам знаешь, Сол.

Стоя на посадочной решетке, приваренной к пятьдесят третьему ярусу башни «Тесслер-корпорады», Сол Гурски на миг умер. Затем он вернулся к жизни и с холодной ясностью осознал, что все может высказать вслух, что ДОЛЖЕН все высказать вслух, ибо уже мертв и теперь его ничем не испугать.

– Ты слишком много на себя берешь, Адам. Хочешь, делай автомобили, выращивай дома, составляй в нанокамерах лекарства по специальным заказам – пожалуйста. Но это – совсем другое дело. Это – воскрешение мертвых. Это – все люди отныне и до конца Вселенной. Нельзя допустить, чтобы ты владел патентом единолично. Монопольное право на вечную жизнь принадлежит только Богу.

Адам Тесслер вздохнул. Радужные оболочки его глаз спрятались за темным слоем фотохромных бактерий. Непроницаемый взгляд.

– Ну и?.. Давно?

– Тринадцать лет.

– Я думал, что знаю тебя, Сол.

– И я думал, что знаю тебя. – Здесь, в высоте, воздух был чист, свеж и прозрачен. – Как ты выяснил?

Адам Тесслер погладил обезьянку по голове. Она попыталась вывернуться из его пальцев, оскалив острые зубки.

– Выходи, Мариса, – теперь можно.

Высокая мускулистая женщина, которая вышла из башни на решетчатую площадку, была отлично знакома Солу. Он помнил ее по туристической мастабе на Юкатане, и по горнолыжному трамплину на Аляске, и по казино, выращенному на искусственном, рожденном нанотехнологиями рифе в Южно-Китайском море. Из бесед, которые они вели по надежным каналам связи и лично, на конспиративных встречах, он знал, что она заговорит нежным низким голосом с австралийским акцентом.

– Когда твоим хозяином был Аристид Гласкальпо, ты лучше одевалась, – сказал Сол.

Сейчас женщина была в кожаном костюме, какие носят уличные девки. Она улыбнулась. С прежних времен ее улыбка тоже поистрепалась.

– Почему именно они? – спросил Адам Тесслер. – Мало ли кому ты мог меня продать – но этим лохам?

– Разве это важно? – сказал Сол Гурски. – Знай, Элена тут абсолютно ни при чем.

– Знаю. Ей ничего не угрожает. На данный момент.

В этот миг Сол Гурски осознал, что его ждет, и задрожал, обуянный внезапным острым желанием что-нибудь уничтожить, прежде чем уничтожат его самого. Усилием воли он подавил в себе гнев и, протянув руку к обезьянке, пощелкал пальцами. Марша, наморщив лоб, перемахнула с плеча Тесслера на ладонь Сола. Он моментально схватил макаку за шею, вывернул позвонки, переломил их. Отшвырнул извиляющееся в конвульсиях тельце. Оно упало на красную сетку.

– Понимаю твое чувство, – заявил Адам Тесслер. – Но она возродится вновь, и вновь, и вновь. – Вступив на нижнюю ступеньку трапа, он обернулся: – Ты хоть немного представляешь себе, как сильно меня расстроил, Сол?

– Честно тебе скажу – плевал я на это! – крикнул Соломон Гурски, но его слова потонули в гуле запущенных турбин. Аэролет, ненадолго зависнув над площадкой, скользнул вниз, к расчерченным по линейке бескрайним просторам города и улетел в сторону северных холмов.

Сол Гурски и Мариса остались на платформе одни.

– Действуй! – крикнул он.

И осознал, что мускулы, которые так нравились ему, – всего лишь аугменты. Ее пальцы схватили его за шею и подняли над площадкой. Задыхаясь, он сучил ногами в воздухе и урывками глотал воздух. Держа его одной рукой, она подошла к самому краю.

– Действуй, – попытался сказать он, но ее пальцы задуши-

ли все слова в его горле. Улыбаясь, она держала его над пропастью. Он наделал себе в штаны и понял, что это и есть экстаз, что испражнение всегда было экстазом. Именно поэтому взрослые запрещают детям испражняться в трусы – первобытные, звериные радости стоят вне закона.

Сквозь кровавый туман он увидел, как ползет к ним, перебирая розовыми человеческими пальчиками, крохотное, скукоженное тело Марши с вывернутой назад головой, и ее глазки, не мигая, созерцают солнце. Затем женщина наконец-то разжала пальцы – и, прошептав «спасибо», он начал падать к ослепительно белым погребальным огням Гуверовского бульвара.

среда

Сегодня вечером сегуридадос вышли на бульвары – охотиться на мертвецов-нарушителей. Живцы-сегуридадос были чудовищами – богатыми скучающими чудовищами. Эти женщины и мужчины, эти «серристо»² с огромным удовольствием корчили из себя ангелов Большой Смерти в мире, где все прочие разновидности смерти были временными. На живцов было противно смотреть – зато их машины были прекрасны. «Мечадоры» – роботы-богомолы с клювами из ванадированной стали и двумя скорострельными огнеметами системы «МГЛА-27», которые выстреливали пятьдесят самонаводящихся снарядов в секунду, а те, в свою очередь, за полсекунды до поражения цели превращались в рой солярной картечи. Пятнадцать органов чувств расширенного спектра действия анализировали мир; а маневрировали роботы при помощи узкофокусируемых генераторов-импеллеров. И абсолютно никаких потуг на милосердие. Большая Прекрасная Смерть.

На холмах стоял дом с высоким, широким окном на втором этаже. Мужчина застыл у окна, точно посередине. Он наблюдал, как охотятся мечадоры. Их было четверо: разбившись на пары, они прочесывали обе стороны авеню. Он уви-

² крутые (мекс. сленг).

дел, как робот с надписью «Смерть мертвецам» на тектопластиковой шкуре, разок пыхнув электрогравитационной энергией, перемахнул через живую изгородь с усадьбы Сифуэнтесов на их участок. Проплыл над газоном, поводя чуткой головой с клювом. Замешкался, отсканировал окно. На секунду взгляд его пяти фасеточных глаз скрестился с взглядом мужчины. Робот двинулся дальше. Его импеллер оставлял на чисто выбритом газоне следы – земляные водовороты. Мужчина не отвел глаз от улицы, пока мечадоры не скрылись из виду, пока по проспекту не прошли сегуридадос в устрашающих и пошлых боевых скафандрах, угрожая воображаемым врагам своим отвратительным оружием.

– Теперь уже каждый вечер, – заметил мужчина. – Совсем сдрейфили.

Спустя миг в просторной комнате с деревянным полом, где находился мужчина, появилась женщина, одетая в виртуальный инфандр. Она выскочила из «Паутины» с такой поспешностью, что пообрывала щупальца скафандра, которые теперь торопились втянуться обратно в узлы сететки. Темноволосая, смуглая, страшно обозленная. Злость пополам с испугом.

– Сколько раз я тебе говорила: не подходи к этому окну! Никогда! ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ!

Соломон Гурски пожал плечами. За те несколько недель, что он прожил в ее доме, женщина успела возненавидеть эту ужимку. Мертвецы по-своему, по-особому пожимают плеча-

ми: когда Сол это делал, в ее большом, теплом, красивом доме на холмах веяло холодом преисподней.

– Это меняет дело, – заявил мертвый мужчина. Елена Асадо натянула брюки из «умной кожи» и сетчатую блузку. Прямо поверх инфандра – она не снимала его с тех самых пор, как стала предательницей. Двенадцать часов в день она проводила в виртуальном мире, подключив к «Паутине» свои глаза, уши, нос, душу – вела войну с человеком, который убил ее возлюбленного. С тем же успехом можно воевать с демиургом, думал Соломон Гурски долгими, пустыми часами в этих приветливых, наполненных светом комнатах. Тесслер – владыка жизни и смерти. Елена снимала скафандр только для того, чтобы опорожнить кишечник и помыться. Ну и рано утром, в голубоватых сумерках, какие бывают только в больших городах, для невеселого соития на большой белой постели. Время и злость высушили и закалили ее тело. Елена Асадо превратилась в существо, скрученное из тугой проволоки. Женственность слетела с нее, сменившись решимостью отомстить Адаму Тесслеру. Отомстить – уничтожить режим, установленный на Земле после того, как Тесслер подарил миру способ воскрешения мертвых. Подарил – нет, какое уж там подарил. Тесслер не Иисус, чтобы гарантировать жизнь вечную всем истинно уверовавшим. Вера – дело неприбыльное. Адам Тесслер забирает все – оставляя тебе лишь твою душу. Если ты можешь вносить

солидные взносы за «имморталидад»³, все нормально: благодаря страховке ты возродишься совершенно свободным, без цента долга. Остальные девяносто процентов мертвецов планеты Земля отработывали свое спасение согласно условиям контрактов, ввергающих их во временную крепостную зависимость от Дома Смерти – сети воскресительных цехов при корпорации «Тесслер-Танос». Контракты заключались на много столетий. Время принадлежало мертвецам. Но сами они стоили дешево.

– Их напугала история с «Эворт-Оз-Вест», – сказала Элена Асадо.

– Горстка контрададос отказывается от своих обязательств на каком-то занюханном астероиде – и они уже трусят, что небо свалится им на головы?

– Они называют себя «Свободными Мертвецами». Дай вещи имя – и ты дашь ей силу. Это лишь начало. «Эворт-Оз-Вест», все остальные орбитальные и дальнекосмические промышленные корпорации – они давно поняли, что вне Земли их контракты будут недействительны. Они уже проиграли. Космос принадлежит мертвым, – сказала женщина.

Сол пересек эту просторную комнату и подошел к другому окну, к безопасному, под которым в глубокой ложбине расстилалась панорама ночного города. Рисунок его ладони, служивший ключом, расконфигурировал стекло. Вокруг за клубилась ночь, городская ночь, пропахшая можжевельни-

³ Бессмертие (*исп.*).

ком, сексом, дымом, смуглым полуденным зноем. Он подошел к балконным перилам. Бульвары мерцали, точно карта сознания, но в сердцевине этой карты расстилалось огромное черное пятно амнезии – аморфная зона, где свет отсутствовал, где не работала геометрия городской планировки. Сент-Джон. Некровилль. Мер-твоград. Город мертвых, город в городе, окруженный стенами и рвами, охраняемый теми же вояками, которые патрулировали бульвары. Город комендантского часа. Каждый вечер на закате, в двадцатиклометровой высоте над Мегалополисом-Трес-Вальес расцветали алые пульсирующие сполохи искусственной зари: этот небесный знак приказывал всем трем миллионам мертвецов вернуться с живых улиц в свои некровилли. Мертвецы проходили через пять массивных ворот в форме буквы «V», разделенной пополам горизонтальной линией. Энтропическая, телесная жизнь спускается вниз; жизнь вечная, воскрешенная восходит вверх, пересекая разделительную линию смерти. Таков закон, таково правило сегрегации. Мертвецы есть мертвецы, живые есть живые. И вместе им не сойтись – как не сходятся ночь и день.

Тот же самый знак был вплавлен в ладонь всех воскрешенных, покидавших резервуары Дома Смерти.

Неувязочка вышла, подумал Сол. Не все соблюдают комендантский час. Он поднес свою ладонь к глазам, изучая линии и бугорки, точно пытаюсь прочесть по ней свою судьбу.

Он видел знак смерти на руке служанки Элены – видел, как он загорается одновременно с зарей.

– Никак не можешь поверить, что это возможно?

Незаметно для него Елена тоже вышла на балкон и остановилась за его спиной. Он почувствовал, как она прикасается к его волосам, к плечу, к голой руке. Кожа к коже.

– Индейское племя «проколотых носов» верит, что мир погиб на третий день существования, а мы живем в сновидениях его последней ночи. Я упал. Я ударился об ослепительно белый свет – он оказался твердым. Твердым, как алмаз. Может, мне только снится, что я жив, а мои сны – последние раздробленные секунды моей жизни.

– Тебе могло такое присниться?

– Нет, – сказал он, помедлив. – Я больше ничего вокруг себя не узнаю. Не могу понять, как из того, что я помню, мог получиться нынешний мир. Столько всего пропало бесследно.

– Я не могла ничего предпринять, пока не уверилась, что он не подозревает. Он все предусмотрел.

– Это в его стиле.

– В байку про аварию аэролета я с самого начала не верила. Вселенная, конечно, – дама ироничная, но аккуратность ей несвойственна.

– Я все думаю о том бедняге пилоте, которого он тоже убрал, чтобы все выглядело аккуратно. – Ветер принес из города мертвых отдаленный барабанный бой. Завтра большой

праздник – Ночь Всех Мертвецов. – Пять лет, – проговорил он. Услышал, как прервалось ее дыхание, и понял, о чём она сейчас спросит и что последует за этим.

– Что чувствуешь, когда становишься мертвым? – спросила Елена Асадо.

За несколько недель заточения в этом доме на холмах он, незаконный мертвец, неклеимый, незакрепощенный контрактом, понял, что она спрашивает не о переживаниях воскрешенных людей. Ее интересует тьма до воскресения.

– Ничего, – ответил он так, как отвечал всегда. То была истина, но не правда, потому что «ничего» – феномен человеческого сознания, а во тьме, наступившей после сокрушительного света на перекрестке Гуверовского бульвара, не осталось никаких следов сознания – ни человеческого, ни какого-либо еще. Ни снов, ни времени, ни утрат, ни света, ни тьмы. НИЧЕГО.

Теперь ее пальцы гладили его кожу, пытаясь нащупать остаточный холод этого «ничего». Повернувшись к городу спиной, он подхватил ее на руки и понес к большой пустой кровати. За месяц новой жизни он отлично усвоил правила игры. Он отнес ее к большой, широкой белой кровати, освещенной огнями лежащего внизу города. Все было холодно и формально – как и в прошлый раз, и в позапрошлый, и позапоза... Он знал, что для нее это не просто соитие с любовником, который вернулся после изгнания из далекого далека. По трепету, по дерганью ее мускулов он чувствовал: ее воз-

буждает именно идея секса с мертвецом. Именно его природа чаровала и отталкивала Элену. Роль фетиша в чужом извращении его ничуть не смущала. Но тело, когда-то известное под именем «Соломон Гурски», знало кое-что другое – нечто, известное лишь мертвым. Не все, что умерло, потом воскресает. Облик, личность, разум возвращаются. Но любовь не переживает смерти.

После секса она любила слушать его рассказы о воскресении: о том, как «ничто» превратилось в «нечто», и он увидел сквозь мельтешение текторов ее склоненное лицо. Но этой ночью он ничего не рассказывал. Он спрашивал.

– Как я выглядел? – задал он вопрос.

– Твое тело? – переспросила она. Он не стал ее разубеждать. – Опять хочешь посмотреть фотоснимки из морга?

Обугленную ухмылку пустой оболочки он и так помнил наизусть. Руки, вытянутые по швам. По этой детали она сразу обо всем догадалась. Погибшие в огне умирают, воздев кулаки кверху, сражаясь с пламенем.

– Даже после того, как тебя эксгумировали, я не могла тебя сразу воскресить. Знаю-знаю, ты мне передал его слова, что на данный момент мне ничего не угрожает. Но было слишком рано. Технология еще недостаточно развилась, и он бы сразу узнал. Прости, что мне пришлось держать тебя на льду.

– Ничего, я даже не заметил, – сострил он.

– Я все спланировала с самого начала. Все предусмотрела:

уволился из «Тесслер-Танос», нанять нелегальный резервуар в Сент-Джоне. Дом Смерти не знает и одной десятой о том, что там творится.

– Спасибо, – сказал Сол Гурски. И тут почувствовал ЭТО. Почувствовал ЭТО, увидел ЭТО, точно свое собственное тело. Она ощутила, что Сол напрягся.

– Опять воспоминания?

– Нет, – проговорил он. – Наоборот. Вставай.

– Зачем? – растерялась она.

Сол уже натягивал на себя одежду: прикосновение шелка, прикосновение кожи.

– Время, которое тебе дал Адам...

– Да?..

– Оно истекло.

Машина морфировала в сплюсненную, гоночную. У поворота, где авеню начинала спускаться с горы, они оба ощутили энергетическую волну: над ними низко-низко летело нечто огромное, абсолютно беззвучное.

– Бросаем машину, – приказал он.

Двери уже откинулись, точно крылья чайки. Три шага – и дом за их спинами взлетел на воздух, растаял в белом огне. Пламя силилось их всосать, тянуло назад в свою зону аннигиляции земного притяжения. Но тут ударная волна швырнула их, машину и всех бездомных существ на мостовую авеню. Несмотря на вой домашней сигнализации, вопли соседей, рев и треск пожара, Сол услышал, что воздушное суд-

но делает круг над испепеленной асьендой. Схватив Элену за руку, он бросился бежать. Аэролет прошел над ними. Машина испарилась в протуберанце белой энергии.

– Черт! Нанобоеголовки!

Они полубегут, полускатываются по террасам многоярусных садов. Елена уже задыхается. Высоко вверху кружит аэролет, заслоня массивной тушей тусклые звезды, вынюхивая Сола с Эленой своими экстрасенсорными органами чувств. Внизу по садам уже рассыпаются, начиная прочесывание, многочисленные сегуридадос.

– Как ты узнал? – хрипит Елена.

– Увидел, – отвечает Соломон Гурски.

Целая компания серристок расслабляется в бассейне. Сол с Эленой срывают вакханалию – едва завидев их, перепуганные гуляки пускаются наутек. Ниже, еще ниже. Аугментированные кибергончие, рыча, провожают их своими инфракрасными глазами; системы домашней защиты, пробуждаясь от спячки, фиксируют их изображения, вызванивают полицию.

– Увидел? – переспрашивает Елена.

Сол с Эленой выскакивают из проулка между заборами прямо на бульвар. АПВэшки и муниципальные гондолы, резко тормозя, вычерчивают на черном шоссе дымящиеся гексаграммы. Клаксоны. Фары. Многоэтажная ругань. Скрежет колес. Визг тормозов. Треск ломающегося тектопластика отзывается двойным, тройным эхом. Затор из расплющенных

машин на правой полосе. На правой обочине у тортиллерии⁴ стоит мопедмобиль. «Кочеро»⁵ охотно забывает о своих «энчиладас»⁶ ради твердой, черной валюты из кошелька Элены. Ради денег, которые и звенят, и складываются.

– Куда?

Разрушения, причиненные его пассажирами, произвели на шофера немалое впечатление, Лютая ненависть к автомобилям – общее свойство всех таксистов на свете.

– Вперед! – сказал Гурски.

Стреляя и чихая, мопед выехал на мостовую.

– Еще не улетел, – заметила Элена, высунувшись из-под тента и вглядываясь прищуренными глазами в ночное небо.

– Не посмеют – полное шоссе машин.

– На авеню уже посмели. – И после паузы: – Ты сказал «увидел». Как это – увидел?

– Когда ты мертв, ты знаешь смерть, – сказал Соломон Гурски. – Знаешь ее лицо, ее маску, ее запах. У нее есть аромат, он ощущается издали, как феромоны моли. Он поднимается вверх по течению времени.

– Погодите, – сказал «кочеро» – нищий, но живой. – Вы чего-нибудь знаете насчет того взрыва на холме? Там что, аэролет разбился? Или другое что?

– Другое что, – произнесла Элена. – Поторопитесь!

⁴ Лавка, где продают мексиканские кукурузные лепешки-тортильи (исп.).

⁵ Возчик, здесь: рикша (исп.).

⁶ тортильи с мясом, сыром и перцем (исп.).

– Леди, скажите, куда ехать – я поеду.

– В Некровилль, – распорядился Соломон Гурски. Сент-Джон. Город Мертвецов. Поселение вне закона, вне смертности, вне страха, вне любви – вне всех уз, которые прочно соединяют живых. Город изгнанников. Сол сказал Элене:

– Если ты хочешь свергнуть Адама Тесслера, это удастся сделать только извне. Со стороны.

Он сказал это по-английски. Слова со странным привкусом тяжело давались губам.

– Ты должна примкнуть к обездоленным. К мертвецам.

Попытка проскочить через флуоресцирующую букву «V» – ворота Некровилля – была равносильна Большой Смерти в эпицентре нановзрыва, превращающего все, что угодно, в горячую ионную пыль. Мопед прокрался мимо самурайских силуэтов – сегуридадос, охранявших ворота. Сол велел шоферу высадить их под пыльными пальмами заброшенного бульвара, тесно прижавшегося к суперколючей проволоке Сент-Джона. Покинутые живыми газоны буйно разрослись, бассейны покрылись коростой из отбросов и кувшинок, приветливые дома в испанском стиле кротко разрушались, перевариваемые собственными садами.

«Кочеро» нервно ежился, но Солу здесь понравилось. Он знал эти улицы. Маленький мопед, покашливая, унесся в страну подлинно живых.

– Здесь полно рек и ручьев, которые забраны в трубы, – сказал Сол. – Некоторые проходят под заграждениями – пря-

мо в Некровилль.

– Опять твое мертвецкое ясновидение? – спросила Елена, когда Сол нырнул в заросший проулок между усадьбами.

– В некотором роде. Я здесь вырос.

– А я и не знала.

– Тогда мы здесь в безопасности. Елена остановилась.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

– Елена, сколько процентов меня ты выстроила заново?

– Сол, все воспоминания – твои. Настоящие. Мы любили друг друга – когда-то.

– Когда-то, – повторил он.

И почувствовал ЭТО. Мурлыканье трущегося о его кожу статического электричества – точно руки Элены гладили все его тело одновременно. Это не было предчувствием, астральным бутонем близкой смерти. Это было физическое явление – ласковое прикосновение сфокусированных гравитационных полей.

Они свернули за угол проулка в тот самый миг, когда мечадоры, спокойные и медленные, слетели с небес на крыши старых замшелых резиденсиас. За бурьяном бывшего теннисного корта оказалась дренажная канава, огороженная ржавыми сетчатыми щитами. Сол одним ударом повалил целый щит. Адам Тесслер производил сильных, проворных мертвечков. Тухлый, еле текущий ручеек привел беглецов к ржавой решетке стока.

– А теперь проверим, не искажил ли чего во мне генера-

тор, – сказал Сол, ударом ноги выбив решетку. – Если мои воспоминания принадлежат мне, мы вылезем в Сент-Джоне. Если нет, то три дня спустя мы будем качаться на воде в бухте, и хлорка выест наши глаза.

Они спрятались в тоннель за миг до того, как над ними прошел мечадор «МИСТ-27», осыпав ручей боевыми текторами, взметнул ил и воду к небесам. Мертвый мужчина и живая женщина, хлюпая по воде, убежали во тьму.

– А знаешь, он тебя любил, – сказал Сол. – Потому-то он это и делает. Он ревнивое божество. Я всегда знал, что он хочет тебя – сильнее, чем ту женщину, которая считается его женой. Пока я был мертв, он мог сам перед собой прикидываться, что у вас еще что-то получится. Он мог не обращать внимания на твою войну против него – Элена, ты ведь против него бессильна, в одиночку-то. Но когда ты меня воскресила, он не мог больше обманывать себя. Не мог прикидываться победителем. Не мог тебя простить.

– Мелочное божество, – проговорила Элена. Вокруг ее икр, затянутых в кожаные брюки, бурлила вода. Над головой зиял светящийся круг – водоотводная труба с улицы. Они немного постояли под ним, ощущая, как прикасается к их лицам свет Некровилля. Элена поднялась на цыпочки – отодвинуть решетку. Соломон Гурски задержал ее, повернул ее руку ладонью к свету.

– И вот еще что, – произнес он. Вытащил из стены туннеля остроконечный обломок бетонной опалубки. Тремя мощны-

ми, жестокими штрихами врезал в ее плоть перечеркнутое «V» – знак смерти.

четверг

Он успел спуститься на три километра по погонщику массы, когда флот разнес Марлен-Дитрих в клочья. Комета Джу-ди находилась в пяти астрономических единицах от перигелия, вне эклиптики, в тридцати шести градусах от Клайда-Марлен-Дитрих, но в ее небесах на миг засияло второе солнце.

Складки прозрачной тектопластиковой кожи, прикрывавшие лицо Соломона Гурски, потемнели. Верхо-руки Сола, державшие паутинницу звездодвигателя, задрожали – его электромагнитные органы чувств сотрясла ударная волна от пятидесяти миниток-боеголовок, превратившихся в беваватты твердой энергии. Предсмертный крик целого народа. Внутри астероида, тес-Ию сгрудившись в хаотично переплетенных туннелях, парили в невесомости триста Свободных Мертвецов. Марлен-Дитрих была колыбелью мятежа. Корпораты таких обид не спускают.

Лищежит Соломона Гурски вновь посветлел. Костер, на котором погибла Марлен-Дитрих, уже отгорел, но его инфракрасные глаза видели искры, медленно гаснущие среди звезд.

В его черепе раздался голос Элены.

«Ты знаешь?»

Хотя Елена сидела в «матке» – штабном бункере в полу-

километре от поверхности кометы, – она была открыта Вселенной нараспашку: связана идент-линками с сенсорной сетью в «корочке» ядра и целым нимбом зондов-шпионов размером с бактерию, которые сновали по разреженному газовому гало.

«Видел», – произнес про себя Сол Гурски.

«Теперь переключатся на нас», – сказала Елена.

«Тебе так кажется».

Перебирая низоруками, Сол пробирался по тонкому хребту погонщика массы к микропробоине, вызванной столкновением с метеоритом.

«Я знаю. Когда дальнобойки наводили порядок после взрыва, мы засекали следы термоядерных блиперов».

Левой уцепиться, правой отцепиться, правой уцепиться, левой отцепиться, правой отцепиться... Когда Свободные Мертвецы модернизируют тебя, ты узнаешь много нового. Например, что пространство – штука относительная, обусловленная твоим мировоззрением. Спустившись на треть высоты девятикилометрового погонщика массы, на который наколоты миллиарды тонн кометного вещества, ты уже не употребляешь понятий «вверх» и «вниз». Скажи про себя «вверх» – голова закружится. «Вниз» – и над твоей головой повиснет грязный ледяной шар диаметром в два километра, болтающийся на ниточке из тектопластика-суперпроводника. «Прочь отсюда» – единственное понятие, позволяющее сохранить здравый рассудок. Уйти и вернуться.

«Сколько движков?» – спросил Сол.

Пробоина сама привлекала к себе внимание – умный пластик в случае ранения пульсировал оранжевым огнем. «Восемь».

Сол выругался про себя. Даже роздыху себе не дают.

«Много у нас времени?»

Элена перекачала свои расчеты по М-линку на зрительный центр его мозга. Огненные кривые протянулись сквозь время и мрак, искривляясь под напором тяготения Юпитера. При заданном ускорении земной флот окажется в дальности выстрела через восемьдесят два часа.

Война в небесах длилась уже двенадцатый год. И обе стороны твердо решили, что этот год будет последним. Война «Найтфрайта» не должна была завершиться перемирием. Непокорные потомки первых мятежников с астероидов, восставших против Эворт-Оз-Вест, они называли себя «Клейды». То была кучка редутов, разбросанных по умопомрачительным просторам Солнечной системы. Марлен-Дитрих – первый астероид, провозгласивший себя независимым государством. Неруро – все еще недостроенное тектопластиковое колесо двадцатикилометрового диаметра, окруженное о'ниловскими сервис-контейнерами, агропромышленными комплексами и жилыми «пузырями». В перспективе – столица космических Мертвецов. Арес-на-Орбите, мечты о терраформировании Марса в пористых кусочках пемзы – внутри Фобоса и Деймоса. Пастухи Лун, живущие над пропа-

стью – лавирующие среди колец Сатурна, подставляющие паруса солнечному ветру. Ненадежные зацепки, легкие царапины на теле Вселенной, космические хибарки; и бурный расцвет ворованной нанотехнологии, ибо космос бесконечно богат энергией. Бескрайняя экологическая ниша. Свободные Мертвецы знали, что унаследуют Вселенную. Корпорации живых ретировались на орбиту своей планеты. Но ненадолго. В один прекрасный день живые атаковали – зная, куда бить. Ударные силы корпораций перешли в наступление – и первым погиб Клейд Циолковского на темной стороне Луны. Альфа-лучи погубили хрупкую пленку адаптированных к вакууму лесонасаждений, которая покрывала стенки кратера. Когда корпорации прекратили обстрел, на месте туннелей и выемок бывшей базы шахтеров зиял новый, глубиной пять километров кратер из тускло тлеющего туфа. Луна качалась на своей орбите, ломая ритм земных приливов.

Большая-Большая Смерть.

Ударные отряды устремлялись к заданным целям. За время сидения в пределах земной атмосферы, предписанного эмбарго, корпорации многому научились. Создали новые корабли – поджарые, быстрые, злые. Многозарядные ракетные установки, приделанные к мощным термоядерным двигателям-блиперам, – вот и вся конструкция. Пилоты висят в контейнерах с гелем-амортизатором, точно мухи в кусках застывшего янтаря, подключенные через все телесные отверстия к огромным боевым виртуалайзерам.

Самая эффективная комбинация нужных качеств – быстрая реакция плюс жестокость – у тринадцатилетних мальчишек.

Именно эти буйные подростки безжалостно разрушили Клейд-Марлен-Дитрих. Арес-на-Орбите бессилён, как котёнок. Неруро, где сосредоточено большинство кораблей-боевиков Свободных Мертвецов, дорого продаст свою жизнь. Два корабля корпоратива идут к Юпитеру. Орбитальная механика даёт беззащитным пятнадцать месяцев на приготовления к смерти.

«Но семена уже упали в почву, – подумал Соломон Гурски, висая на погонщике массы где-то в недрах кометы Джуди. – Там, куда мы летим, нас не достанут ни самые мощные из ваших кораблей, ни самые настырные из ваших мальчишек».

Удар микрометеорита помутил ограниченный разум тектопластика; умно-полимерные волокна и нити скручивались, завязывались в узлы, пытаясь осуществить своё предназначение. Сол прикоснулся к ним своими верхо-руками. Вообразил, будто чувствует истечение приказа из своего тела – так иголки текторов пронизывают вакуумно-непроходимую кожу.

«Дни чудес и дивных свершений, Адам, – подумал он. – А ты хочешь распотрошить нас всех на фотоны – ведь тебе завидно, что в наших руках твоя магия творит то, о чём ты и мечтать не мог».

Пробоина заделана. Погонщик массы, дрогнув, швырнул в пространство первую дробинку. За ней – другую. Третью. И Сол Гурски, спускаясь (левой-правой-левой-правой-левой) по машине, которая везла его к звездам, понял, что такое комета Джуди на самом деле. Шарик из зыбкого льда, волочащий за собой длинный хвост. Нет, не семя – сперматозоид, плывущий сквозь великий мрак. Так мы осеменяем Вселенную.

Комета Джуди. На общем фоне семейства, ведущего свой род от облака Оорта, она маловата: 2,8 x 1,7 x 2,2 км. (Вообразите себе уродливый ломтик жареной картошки, который вы отодвигаете на край тарелки, ибо от такого мутанта точно живот разболится.) Дистрофичка – всего-то шестьдесят два миллиарда тонн. Бомжиха Солнечной системы, медленно брела она себе в одиночестве, возвращаясь во тьму после своего часа на Солнце (главное, близко к нему не подходить – уж больно сильно жжется это нехорошее Солнце) – и тут ее хватают эти мертвецы, начинают щупать, засовывают ей всякие штуки в задницу, копаются во внутренностях, заставляют совершать странные и неестественные действия – к примеру, ежесекундно какать собственным веществом на скорости, близкой к световой. А ты что, еще не врубилась? Ты уже не комета. Ты – ЗВЕЗДОЛЕТ. Вот видишь – там, в Лебеде, чуть левее во-он той крупной яркой звезды? Там прячется махонькая, невидимая тебе тусклая звездочка. К ней и лежит твой путь, моя маленькая Джуди. Возьми с собой кого-ни-

будь. Путешествие будет долгим. – А что я там найду, когда долечу? – Большого гнусного верзилу – газовый супергигант, обращающийся вокруг звезды на том же расстоянии, что и Сатурн вокруг Солнца. Вот что ты там найдешь. Вокруг него яблоку некуда упасть от лун. Одна из них наверняка сгодится для земной жизни. А если и не сгодится, не важно: какая разница, что терраформировать – астероид, комету, луну газового супергиганта вдали от Солнечной системы? Все различие лишь в масштабе. Видишь ли, все, что нужно для приручения новой солнечной системы, у нас есть с собой. Углерод, водород, азот да кислород – вот и все. У тебя их до фи́га и больше. А может, мы тебя так полюбим, что и планеты никакие не понадобятся. На кой черт нам сдались эти катышки из гравитации и грязи. Мы Свободные Мертвецы, ясно? Пространство и время принадлежат нам.

Двадцать живых мертвецов – команда кометы Джуди – собрались в штабном бункере, вырытом в недрах этого ледяного шарика, чтобы спланировать битву. Остальные пятьсот сорок путешественников выполняли функцию сверхпроводящих тектор-матриц в сердечнике из замороженного гелия. То были мертвые мертвецы, которых предполагалось воскресить из кометного вещества уже после переезда в новый дом. Члены экипажа парили в нано-невесомости, кружась среди летучих нагромождений приборов. Они были прекрасны странной красотой – как боги и ангелы. Подобно ангелам, они умели летать. Подобно богам некоторых на-

родов, они были четвероруки. Изящные, ловкие верхоруки; сильные, цепкие низоруки, растущие из поясничного отдела позвоночника, превращенного в мощные спинные лопатки. Их кожа, непроницаемая для радиации и вакуума, служила органом фотосинтеза. Красотой и пестротой расцветки она ни в чем не уступала шкурам хищных животных. Полоски, зеленые завитки на оранжевом фоне и синие на черном, фрактальные узоры, флаги легендарных государств, татуировки. Люди в картинках.

Элена Асадо, нежась в ласковых щупальцах сенсорной сети, сообщила им печальные вести. Как только она открывала рот, флуоресцентные заплатки на ее плечах, бедрах и ниже живота начинали светиться.

– Эти сволочи преодолели W-барьер. Наверное, спалили весь водород в своих баках до последней молекулы. Теперь у нас всего шестьдесят четыре часа до атаки.

Капитан кометы, ветеран мятежа на Марлен-Дитрих, изменил ориентацию и заглянул в лицо Хорхе, бортинженеру по реконфигурациям.

– Первая линия обороны? – Кожа капитана Савиты была усыпана филигранными крапинками – миниатюрными светло-зелеными листьями бамбука на солнечно-желтом фоне. Этот мирный узор не вязался с напряженной атмосферой в бункере.

– Ракеты первой волны будут выращены и приведены в боеготовность через двадцать шесть часов. С истребителя-

ми хуже. При всех моих стараниях ассемблеры управятся не скорее чем за шестьдесят шесть часов.

– А что ты успеешь сделать за время, которое есть? – спросил Сол Гурски.

– Если поможете, я мог бы упростить конструкцию истребителей для ближнего боя.

– До какой степени упростить? – спросила Елена.

– Бронированные скафандры с маневренными движками – вот и все.

«Нам надо постоянно работать мозгами, – подумал Сол. – А корпораты так сильны, что для победы им нужна всего одна гениальная мысль...»

Звездная война не только швырялась пространством и энергией – она расточала время. Пока новые конструкции росли, Сол Гурски провел большую часть двадцати шести часов, оставшихся до запуска ракет, на льду, подставив обнаженное тело звездам, воображая, что их лучи согревают его лицезрит. Прошло пять лет с того дня, когда он пробудился от своей второй смерти в жилом «пузыре» на Марлен-Дитрих, но так и не перестал дивиться красоте звезд. Вернувшись с того света, ты привязываешься к первой увиденной тобой вещи. Для Сола это были звезды – много-много звезд за прозрачным текто-пластиком «пузыря».

Все началось с Элены. Спутники в жизни – ныне спутники в смерти. Некровилль не стал для них тихой гаванью. Этот незаконный город дал Адаму Тесслеру новые, более

широкие возможности для утоления его зависти. «Повелители Бенталя» – вот как они себя называли. Буйные, свободные, мертвые. Наверное, они даже не знали, что работают на «Тесслер-Танос», – но все равно убили ее в баре мертвецов на Фатальном бульваре. Охотничьим гарпуном. На ее лбу они вырезали свой знак – череп, в опровержение знака смерти, который Сол нанес на ее ладонь. Теперь ты и вправду мертва, Елена. Он с самого начала знал, что на Земле их в покое не оставят. Компаньерос из Дома Смерти подделали контракты космических баз «Найтфрайта». Таблетка, которую принял Сол, оказалась поразительно горькой, а падение в белый свет – таким же жестким, как ему запомнилось в первый раз.

Звезды. В них можно потерять себя; душа рвется из тела, глаза созерцают. Где-то там движется пока еще невидимое созвездие из восьми сгрудившихся в кучку, беззвучно несущихся.... Созвездие убийц. Созвездие смерти.

Все вышли посмотреть на то, как из черных, пророщенных в зыбком льду шахт вылетят ракеты. На дистанции в двадцать кеев их химические двигатели начали изрыгать огонь – в космосе прибавилось еще одной галактикой белых звезд. Мертвецы провожали ракеты взглядом, пока те не растаяли вдаль. Двенадцать часов до столкновения. На ракеты никто особо не надеялся – в лучшем случае зенитчики живых истратят на них пару тысяч своих снарядов, вот и вся польза.

Широкую талию кометы опоясывала дюжина пром-моду-

лей, внутри которых созревали истребители Хорхе и Сола. Сол, как зачарованный, следил за их медленным – молекула по молекуле – ростом. То были зловещие черные зверюги, андреевские кресты, отлитые из расплавленной кости. В центре – полость в форме человеческой фигуры. Пилот летал с распростертыми руками. Низоруки сжимают штурвалы турбированных; верхоруки подзаряжают и наводят струи-лазеры. Боковым астральным зрением Сол вновь видел темных, хлопающих крыльями тварей, с которыми как-то раз уже встречался. Тогда он обхитрил этих ангелов-стервятников. И опять их перемудрит, будьте покойны.

Первый раунд битвы начался в 01:45 по общекосмическому времени. Соломон Гурски сотоварищи наблюдали за ним из теплой, закутанной в множество ледяных слоев штабной «матки». Его виртуализированное зрение воспринимало пространство в трех измерениях. Вот синие цилиндры – корабли корпоратива. Белая стая, что устремляется к ним со всех возможных сторон, – ракеты. Одна взрывается, не дотянув до синего цилиндра. Еще один взрыв. И еще. Сплошное зарево света, точно полыхнуло несколько сверхновых разом, заливая дисплей в голове Сола – первая волна ракет аннигилирована. Ее место занимает резервная. Но и ее авангард взрывается – распускаются очаровательные, недолговечные голубые цветы. Чуть поближе к цилиндрам. Чуть-чуть поближе – но живые успели отбить удар. Сол видит, как пришедшая с юга одинокая боеголовка, совершив вираж в ва-

кууме, устремляется к передовому кораблю, поражает его – только красный огонь полыхнул.

Экипаж Джуди кричит «ура». Один враг пал, текторы из боеголовки превратили его в кипящий шлак.

Прочие корабли уцелели. Теперь вся надежда на истребители и их пилотов.

Под голоса, отсчитывающие минуты до старта, Сол и Элена слились в объятиях. Низоруки и верхоруки сцепились в невесомости переднего НП. За прозрачным куполом, похожим на земной небосклон, медленно кружились звезды. Любовь не выдерживает испытания смертью; Елена осознала эту горькую истину, поняла всю тщетность своих иллюзий в доме на холмах, когда воображала свою близость с Солом. Но любовь способна расти и преобразаться по мерке вечности. Когда их тела обсохли, они заклеили свои нежные, интимные органы вакуумно-непроницаемой кожей и поднялись наверх, к пусковым установкам.

Сол помог ей залезть в полость истребителя. Тектопластиковые пальцы вцепились в Элену, подключились к электромагнитным цепям ее кожи. Ангельский скафандр ожил. При телепатических разговорах они научились одному трюку – массажу периферийной нервной системы, при котором внутренние поверхности тел словно целуются. Краткое мурлыканье обоюдного удовольствия – и Елена взлетела, оставляя за собой след из мерзлых капель тектополимера. Защитники Джуди будут сражаться в безмолвии и тьме. Этот теле-

патический поцелуй – их последний радиоконтакт до самого отбоя. Соломон Гурски проводил взглядом синие, точно заикающиеся турберы, пока они не слились со звездами. Реактивная масса была ограничена; те, кому суждено вернуться из этого полета, сбросят по дороге свои ангельские скафандры и дотянут до дома на солнечных парусах. Сол спустился вниз – наблюдать за битвой при помощи молекул, щекочущих лобные доли.

Ангелы Джуди разделились на две эскадрильи. Одна занималась противоракетной обороной, другая поднялась вверх по эклиптике, чтобы спикировать на корабли корпорад и уничтожить их, прежде чем они успеют открыть огонь. Элена входила в группу ближней обороны. На ментальном дисплее Сола ее ангелолет был обозначен крестиком в красно-золотую тигровую полосу – под цвет ее кожи. Сол смотрел, как она описывает замысловатые петли вокруг кометы, меж тем как синие цилиндры живцов приближаются к плоскости, обозначенной как «огневая дистанция».

Внезапно семь синих цилиндров выплюнули облако активных искр, которые фейерверком посыпались на комету.

– Матка боска! – тихо воскликнул кто-то.

– Пятьдесят пять «g», – спокойно сообщил капитан Завита. – Контакт через одну тысячу восемнадцать секунд.

– Разве их всех перехватишь, – пробормотал мертвец с мондриановской кожей – Коуб, занявший место Элены при дальнейших сенсорах.

– В первой волне сто пятнадцать контактных единиц, – доложил Хорхе.

– Сол, поддай гравитации, – сказал Савита.

– Стоит превысить одну тысячную «g», и погонщик массы погнется к черту, – ответил Сол, открыв второе окно на своем ментальном дисплее.

– Хоть что-нибудь – только бы им расчеты подпортить, – настаивал Савита.

– Ладно, сейчас рискну.

Сол был рад с головой погрузиться в задачу: «Как выжать из огромной электромагнитной пушки еще немного мощности?» – только бы не видеть векторов атаки и отрезных плоскостей перехватчиков в миг, когда эскадрилья ближней обороны сблизится с ракетами. И, что еще важнее, ему не придется следить за петлями и виражами полосатого крестика. Не придется бояться, что в любую секунду крестик наткнется на плотную синюю кривую и сгорит в костре аннигиляции. Синие звезды гаснут, заметил он, гаснут одна за другой. Но медленно. Слишком медленно. Слишком нечасто.

Компьютер подсказал ему решение проблемы. Сол ввел команду в погонщика массы. Изменение в величине ускорения было легким, точно замедленный выдох.

Одного они уже потеряли – исчез лиловый в крапинку Эмилио. А половина ракет по-прежнему держится заданной траектории. В верхнем правом углу его виртуального поля зрения невозмутимо тикают часы. До контакта шестьсот пят-

надцать секунд. Десять минут жизни.

Но истребители уже сновали среди корпорадников, уворачиваясь от ослепительных очередей автоперехватчиков ближнего боя. Флотилия живых попыталась рассыпаться в разные стороны, но у ее кораблей – неуклюжих увальней – не хватало реактивной массы. Истребители Джуди порхали среди них, ведя снайперскую стрельбу: кому-то срезали пусковую установку, еще кому-то сорвали солнечную батарею, вспарывали «пузыри» жизнеобеспечения и топливные баки – и неспешно взрывался, переходя в газообразное состояние, водород. Тринадцатилетние пилоты погибали, корчась от наркотической ярости, проливались в вакуум струями быстрозамерзающего геля-амортизатора. Флот противника таял на глазах. Было семь кораблей – осталось пять. Было пять – стало три. Но живые не были покорными жертвами; из шести участвовавших в бою мертвецов лишь двое вырулили на орбиту свидания с кометой. Их лазеры умолкли, реактивная масса иссякла. Пилоты катапультировались. Развернули свои солнечные паруса – щиты света.

Два корабля живых уцелели. Один лег на возвратную орбиту, затратив на это последние граммы своей маневровой массы. Зато другой направил топливо своего турбера через блип-жерло – держа курс прямо на Джуди.

– Идет на таран, – сказал Коуб.

– Сол, увернись от него, – приказал капитан Савита.

– Он слишком близко. – Цифры в голове Сола были бес-

пощадны. – Даже если я срежу ему сопло, он сможет качать газы жизнеобеспечения через СТУ.

Бункер тряхнуло.

– Дерьмо! – выругался кто-то.

– Поцарапал, – доложил Коуб. – Было бы прямое попадание – если бы Сол не прибавил скорости.

– Погонщик на месте, – сказал Сол.

– Рэля сбили, – сказал капитан Савита. Пятьдесят ракет превратились в двадцать, но Эмилио и Рэля больше нет, а ракеты приближаются. Мало места для маневров. И вообще нет места для ошибок.

– До контакта с кораблем двести пятнадцать секунд, – объявил Коуб. Большинство ракет тянулось в хвосте кометы, не в силах догнать ее. Огава и Скин, узоры Мандельброта и крапинки далматинца, вели арьергардный бой, подавляя ракеты, которые пытались вновь нащупать цель. Оливково-зеленые волны и красные тигровые полосы развернулись лицом к кораблю живых. Кинсана и Элена.

Вот так влипли!

В этот миг Сол пожалел, что в голове у него сидит этот график. Он жалел, что не слеп. Лучше внезапная аннигиляция, слепота и невежество, смертоносный свет. Видеть, ЗНАТЬ, считать секунды на таймере – это же мучительнее казни. Но внутренние глаза невозможно зажмурить. И он наблюдал, бессильный, как белый протуберанец с корабля живых пронзил и раскрошил оливково-зеленый крест Кинсаны. Он на-

блюдал, как Элена обстреляла корпорадника продольным огнем из своих лазеров, разрубила его на трепещущие куски, и сами собой взорвались двигатели, и обломки корабля выстроились дугой в космосе, уносясь от кометы Джуди. А он наблюдал – и даже не мог отвернуться, – как Элена совершила слишком медленный, слишком поздний, слишком мелкий вираж, и взорвавшийся модуль экологического отсека оторвал ей ноги-турберы и солнечный парус: она закувыркалась в вакууме, изувеченная, уничтоженная.

– Элена! – вскричал он обоими своими голосами. – Элена!

Элена Асадо падала в бездонную пропасть, к красивым скоплениям галактик в созвездии Девы.

Последний припадок гнева, которым Земля проводила своих детей, завершился: от двадцати ракет осталось Десять, потом – пять, потом – одна. И наконец, ни одной. Комета Джуди продолжала свое медлительное восхождение по стенкам гравитационного колодца Солнечной системы, к непроглядной тьме и умопомрачительному холоду. Ее пятьсот двадцать душ спали крепким сном невинных младенцев, так, как могут спать только мертвые в ледяных гробницах. Вскоре к ним присоединятся Соломин Гурски и все остальные – растворятся в гостеприимном льду, умрут на пятьсот лет, пока комета не доберется до другой звезды.

«Будь это сон, я мог бы забыться», – подумал Соломон Гурски. Во сне все меняется, воспоминания превращаются в грезы, а грезы – в воспоминания. Во сне есть время, а время

– это перемены и, может быть, шанс забыть ее фигурку, которая вечно кружится в вакууме, и силы, которые уже воскресили ее однажды, вновь возрождают ее, она питается солнечным светом и не способна умереть. Но его ожидал не сон. Его ожидала смерть, и для него все прекратило свое существование.

ПЯТНИЦА

Они вместе смотрели, как горит город. То был один из декоративных городов равнины – Народ Дальнего Прицела строил их и оберегал для праздников, которые проводились каждые четыре года. Маленький, сверкающий, как бриллиант, город чем-то напоминал цветок, чем-то – спираль, чем-то – морскую волну. Его можно было бы с одинаковой точностью назвать огромным зданием и небольшим городком. Он горел удивительно элегантно.

Линия тектонического разлома делила его на две половинки. Трещина была четкой и аккуратной – Народ Дальнего Прицела ни в чем не изменял своему стилю, – она рассекала криволинейные здания сверху донизу. Земля трепетала – еще не затихли отголоски толчков.

Город мог бы сам себя починить. Он мог бы потушить пожар, вызванный, рассудил мужчина, прорывом магмы в расщелину, заново вылепить расплавленные крыши и башни, стереть с себя копоть, навести мосты над трещинами и провалами. Но его текторные системы остались без руководства – душа города отлетела к Небесному Дереву, догоняя остальных людей из Народа Дальнего Прицела, ибо все они покидали планету.

Женщина смотрела, как дым поднимается в сумеречное небо, застилая огромный опал Уризена.

– Зря он это делает, – сказала она. Ее кожа говорила о скорби, смешанной с недоумением.

– Он им больше ни к чему, – ответил мужчина. – А в разрушении есть своя красота.

– Меня от нее страх берет, – сказала женщина, и узор ее кожи подтвердил эти слова. – Я еще ни разу не видела, как что-то **КОНЧАЕТСЯ**.

«Повезло тебе», – подумал мужчина на языке, пришедшем из иного мира.

Перед его метеоглазами закружился вихрь – надвигалась большая буря. Впрочем, с тех пор как начались орбитальные пертурбации, мелких бурь здесь не видали. С каждым разом они были все масштабнее. В конце концов ураганы вырвут леса с корнем, и атмосфера с воем унесется в космос.

Сегодня днем, во время своего путешествия к воспоминаниям мужчины, они наткнулись на пустую гавань; вместо воды – голое дно, замусоренный песок, понтоны разломаны и разбросаны волной цунами. Лодки они обнаружили на берегу, раскиданными так, что от первой до последней было полчаса пути. Из дюн торчали полузасыпанные песком пустые панцири; с деревьев свисали мачты и паруса.

Да, погода первой вырвалась из-под контроля. Мужчина ощутил, что тело женщины внезапно напряглось. Ее тревожило все происходящее – весь этот четвертьфинал игры в конец света.

Когда они добрались до укромной долины – самого без-

опасного места ночевки, какое мог подобрать мужчина, – поднялся ветер, начал извлекать из кривых башен и расщелин мертвого города тихие стоны и аккорды. Плащи-серводухи путников соединились, пустили в скалы корни, чтобы построить ночные панцири. Мимо пронеслась стайка пузыриков, трепещущих, отливающих радугой на ветру. Женщина поймала одного в ладонь; крохотное животное-машина на миг присосалось к ней, питаясь ее биополем. На его прозрачной коже выступили разводы, похожие на бензиновые пятна в лужах. Задрожав, оно лопнуло, превратившись в тающий пузырек тектоплазмы. Пока серводухи достраивали укрытие, женщина не сводила с пузырька глаз – но он так и не ожил.

Их соитие под зубчатым щитом, слепленным серводухами из силикатов местных скал, было одновременно нетерпеливым и холодным.

«Секс и смерть», – произнес мужчина той частью своей головы, которую не могла подслушать и ретранслировать даже его телепатическая гортань души. Мысль чужака.

Потом ей захотелось поговорить. Она любила завершать секс разговорами. Против своих правил, она не попросила его рассказать, как он и остальные Пять Сотен Отцов строили этот мир. Она считала, что «разговор» – это когда говорит один. Сегодня ей не хотелось разговаривать о начале мира. Она пожелала услышать рассказ о его конце.

– Знаешь, что в этом для меня самое гадкое? Не то, что все кончится – все-все, что вокруг нас. Самое гадкое – что

пузырик взорвался в моей руке, а я ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, как это могло случиться. Во сколько раз больше него вся наша планета?

– Для того, что ты переживаешь, есть одно слово, – осторожно прервал ее мужчина. Гирошторм разбушевался всерьез, прямо над куполом их панциря. «Толща кожи – вот и все, что не дает ветру сорвать плоть с моих костей», – подумал он. Но текторы крепко, мертвой хваткой держались за коренную породу. – Это слово «умирать».

Женщина села, подтянув колени к подбородку, обхватив их руками. Нагая. Гирошторм насквозь продувал ее душу.

– Для меня самое гадкое, – продолжала она, помолчав, – что так мало времени осталось. Я не успею это все увидеть, все перечувствовать до того, как оно уйдет в холод и тьму.

Она была Зеленой, рожденной во втором из быстрых времен здешнего короткого года; Зеленая из Народа Потаенного Замысла; первая, кто появился на свет в пуэбло Олд-Ред-Ридж за восемьдесят лет. И последняя.

Ей было восемь лет.

– Ты не умрешь, – сказал мужчина, распустив по коже завитки уверений и заботы, похожие на грозовые вихри великого Уризена под клубами гироштормовых туч. – Ты не можешь умереть. Никто не умрет.

– Да знаю я. Никто не умрет, мы все изменимся или заснем вместе с планетой. Но...

– Страшно отказываться от этого тела?

Она коснулась лбом своих колен, покачала головой.

– Неохота его терять. Я только начала понимать, какое оно – это тело, этот мир, а у меня все отнимают, и все способности, с которыми я родилась, тут бесполезны.

– Есть силы, которые выше даже нанотехнологии, – сказал мужчина. – Она помогла нам покорить материю, но над фундаментальными измерениями – гравитацией, пространством, временем – она не властна.

– Почему? – спросила женщина. Мужчине, который вел счет по древним, долгим годам, послышалась в ее голосе интонация земных восьмилетних девочек.

– Со временем узнаем, – ответил мужчина, хотя и понимал: это не ответ.

Женщина это тоже почувствовала, а потому сказала:

– Со временем... а Орк будет себе болтаться в двухстах миллионах лет от тепла ближайшего солнца, и его атмосфера станет ледяной коркой на этих горах и долинах.

«Горе», – говорила ее кожа. «Ярость». «Тоска по утраченному».

Двухтысячелетний старец прикоснулся к маленьким, задраным кверху грудям молодой женщины.

– Мы знали, что орбита Уризена нестабильна, но кто бы мог предвидеть влияние Ульро?

Какая ирония: эта планета, нареченная именем демона огня из книг Уильяма Блейка, будет ввергнута во тьму и льды, меж тем как Уризен и его уцелевшие луны станут коптиться

в двух миллионах километров над поверхностью Лоса.

– Сол, ты не обязан извиняться передо мной за ошибки, которые совершил две тысячи лет назад, – сказала молодая женщина, которую звали Ления.

– Тем не менее мне кажется, что я обязан извиниться перед планетой, – возразил Сол Гурски.

Теперь кожа Лении гласила «надежда» с оттенком «неотвратимости». Ее соски набухли. Сол вновь наклонился к ним, меж тем как ветер конца света точил свои когти о тектопластик.

Утром они продолжали свое путешествие к воспоминаниям Сола. Гирос torm выдохся и погас в горах Утуна. Остатки призрак-сети сообщили Солу и Лении, что сегодня погода летная. Они пососали молоко из «Древа жизни» – синтезера, которым был снабжен панцирь, – а потом вновь занялись любовью на пыльной земле, пока серводухи превращали ночное укрытие в стандартный флаер-универсал. Остаток утра они провели в небе, пролетая над равниной, по которой, точно рябь на воде, двигались волны жвачников и высоких, хищно-угловатых погонщиков из Народа Техобслуживания. Все они тянулись к Небесному Дереву, растущему из пупа земли.

И жвачники, и их пастухи когда-то были людьми. В полдень мужчина и женщина повстречали флаер из Народа Щедрого Неба, который ловил своими шелковыми крыльями термальные потоки, поднимающиеся от подножия Боль-

ших Хризолитовых гор. Сол мыслеокликнул его, и они вместе совершили посадку на поляне в роще горькокорня, обильно произрастающего в Корифейском Кантоне. В прежнее время человек из Народа Щедрого Неба, следуя своим традициям, побрезговал бы наземниками, ибо их машины пачкают воздух. Но в этот тревожный час было уже не до старых обычаев.

«Куда направляешься?» – мыслеспросил Сол. В его голове трещали радиопомехи – оборванный хвост гирос tormы создавал электромагнитное возмущение.

«Конечно, к Небесному Дереву, куда же еще», – ответил крылатый человек.

Глядеть на него было страшновато – то был живой воздушный змей из прозрачной кожи, натянутой на тонюсенькие косточки и сухожилия. Его грудь походила на нос корабля, а мускулы сокращались и перекручивались, когда он переминался с ноги на ногу, неуютно чувствуя себя на земле. Легкий ветерок веял от нановинтов, выращенных на кожистой паутине-перепонке, которая соединяла его запястья со щиколотками. В воздухе стоял необычный запах пота.

«Куда вы сами?»

«Со временем тоже к Небесному Дереву, – сказал Сол. – Но вначале я должен забрать мои воспоминания».

«А-а, отец, – сказал Человек Неба. – Чей ты?»

«Потаенного Замысла, – сказал Сол. – Я отец этой женщины и ее народа».

«Ты Соломон Гурски, – мыслемолвил летучий. – Моя прародительница – Ника Самоотрейдская».

«Я хорошо ее помню, хотя мы много лет не виделись. Она храбро сражалась в битве при комете Джуди».

«Я третий в ее роду. Тысячу восемьсот лет я провел на этой планете».

«Один вопрос, если можно. – Мыслефраза Лении яркой вспышкой ворвалась в разговор стариков. Используя почтительную форму обращения, употребляемую людьми в разговоре с многоопытными старшими, она спросила: – Когда пробьет час, как ты изменишься?»

«Легко сказать, – ответил человек Щедрого Неба, – я реконструирую себя для жизни на Уризене. Найду среднее между внешностью человека и обликом реактивного воздушного ската: главное, летать, а уж там полетать можно вволю! Облачные каньоны стокилометровой глубины; ветра, несущиеся со скоростью пятьсот километров в секунду; термальные потоки величиной с континенты; безумные бури, которые несутся по всей планете! И никакой почвы, никакой базы: возможность навеки улететь от тирании земли. Мы будем слагать циклы песен – эдды, которые обогнут половину планеты на реактивных ураганах Уризена!» – Человек Щедрого Неба в упоении зажмурил глаза. Но внезапно распахнул их. Его ноздри раздулись, ощущая незаметные для других перемены в атмосфере.

«Надвигается новый шторм, еще сильнее прошлого. Вам

лучше укрыться внутри скал, ибо он вырвет из почвы горькокорни».

Он расправил крылья. По перепонкам пробежала рябь. Легкий прыжок – ветер подхватил его и через миг уже вознес в термальном потоке. Сол и Ления проводили его взглядом – перескакивая с одного восходящего потока на другой, он вскоре растворился в небесной синеве.

Чтобы поболтать и размять ноги, они продолжили путь пешком. Держась кочевой тропы Народа Тяжкой Торговли, они пересекли тивовые леса на юге Корифейского и Эмбервайльдского Кантонов. К вечеру, когда поднялся ветер и тивы зашелестели иголочками, точно сплетничая между собой, они увидели человека из вида Пепельных, который сидел на стуле на маленькой полянке среди деревьев. Он был такой длинный, что складывался кольцами, а его кожа гласила, что он долго не имел хозяина и сильно ослаб. Ления протянула ему свою руку, и хотя у Пепельного, паразита Народа Подземных Коммуникаций, была не очень хорошая совместимость с Народом Потаенного Замысла, он благодарно принял ее тепло, морфоэнергию и несколько капель крови.

– Где твой хозяин? – спросила его Ления. Паразиты знают языки большинства племен. Хозяев, как и любовников, лучше всего соблазнять словами.

– Ушел со стадами, – ответил Пепельный – К Небесному Дереву. Это конец.

– И что ты станешь делать, когда Орк будет выброшен из

системы? – Надрезы на предплечье Лении, через которые человек-паразит сосал ее кровь, уже заживали.

– Я не могу жить один, – ответил Пепельный. – Я попрошу землю разверзнуться, поглотить меня и убить. Я буду спать в земле, пока тепло нового солнца не разбудит меня для новой жизни.

– Но это случится лишь через двести миллионов лет, – сказала Ления.

Пепельный поглядел на нее, точно говоря, «год, миллион лет, сто миллионов лет – для смерти они все равны». Подумав, что Пепельный посчитал ее желторотой дурочкой, Ления невольно оглянулась на него, когда они с Солом вновь побрели по тропе между тивами. Она увидела, как паразит прижался к земле, точно к хозяину – животом и гениталиями. Вокруг него за клубилась пыль. Он медленно погружался в землю.

В ту ночь Сол с Ленией не занимались любовью – впервые с тех пор, как Соломон-Странник пришел в пуэбло Олд-Ред-Ридж и покорило сердце смуглой девушки, танцевавшей в кругу, в ту ночь случилось самое сильное с незапамятных пор землетрясение – Орк зашатался на орбите, и даже тектоалмазный панцирь казался ненадежным укрытием от сил, которые способны вышвырнуть в глубокий космос целую планету. Они молча застыли в обнимку, пока земля не угомонилась и панцирь не накалился от тепловой волны – это горели тивовые леса Эмбервайльдского Кантона.

Наутро они морфировали свой модуль в пеплоход и проехали по сгоревшему лесу, к полудню достигнув берега Внутриземного моря. Сейсмическая травма исхлестала волнами скалистый островок, где Сол оставил свои воспоминания, но системы автономного ремонта, используя последние резервы энергии, восстановили разрушенное.

Поскольку Сол твердо решил, что доберется до своих воспоминаний только по морю, они приказали пеплоходу трансформироваться в ялик. Пока текторы тасовали молекулы, из бурного прибоя на красную гальку выполз человек из Народа Синей Маны. Он был длинный, огромный, гладкобокий, шерсть короткая, похожая на дерн, в умопомрачительно-красивых подпалинах. Он тяжело пыхтел – переход из родной стихии в чуждую стоил ему много сил. Ления фамиллярно обратилась к нему – всего одно тысячелетие назад Потаенные Замыслы и люди-амфибии Синей Маны были одним народом – и задала вопрос, который задавала всем встречным.

– Я уже строю из моих жировых запасов летательный аппарат, чтобы добраться на нем до Небесного Дерева, – ответил Синяя Мана. – Если за это время климат не переменится.

– Как там в море – худо? – спросил Соломон Гурски.

– Моря первыми чувствуют перемены, – сказал человек-амфибия. – Худо? Да, очень. Как подумаешь, что Мать-Океан промерзнет до самого дна – просто трясти начинает.

– Значит, ты отправишься на Уризен? – спросила Ления,

решив, что между плаванием и полетом должно быть много общего.

– Нет, милая моя, что ты. – Кожа человека Синей Маны выразила недоуменное удивление. – Почему я должен терпеть от судьбы меньше, чем Мать-Океан? Нас обоих ждет лед.

– Кометный флот, – догадался Соломон Гурски.

– Земной корабль завещал нам, что во Вселенной, где мы живем, много обитателей. Я мечтаю увидеть другие заселенные людьми системы, о которых нам рассказал корабль, перепробовать другие способы быть человеком.

Сто орковских лет тому назад в систему Лоса прибыл второй звездолет-комета с Земли, чтобы подзаправиться от колец Уризена. Он принес вести, что нанотехнология трудолюбивых мертвецов преобразила их родную систему, а модернизированные, более быстрые и мощные потомки кометы Джуди достигли других звезд. Так завершились тысяча девятьсот лет одиночества – первая, одинокая колония на Орке воссоединилась с дерзким сообществом, шагающих по звездам мертвецов. «Задолго до твоего появления», – подумал Сол, глядя на ложбинку между ягодицами Лении, которая присела на корточки на гальке, чтобы поговорить с человеком Синей Маны. «Появление». За этим термином маячила тень древнего, более глубокого слова. Слова, устаревшего во вселенной мертвецов. «Рождение». На Орке никто никогда не рождался. Никто не знал детства, никто не рос. Никто не

старел, никто не умирал. Они «появлялись». Они покидали тестатор полностью сформированными, точно боги.

Сол знал слово «ребенок», но с внезапным ужасом понял, что больше не видит этого слова. Оно стало пустым, темным. Столько вещей развоплотилось в сконструированном им мире!

По морю и по воздуху. Обмен стихиями. Ялик Сола Гурски был достроен одновременно с тем, как текторы Синеи Маны превратили его подкожное сало в летающую машину. Сол смотрел, как она, кружась, поднялась вверх и улетела на юг, меж тем как лодка, качаясь на волнах, спешила к острову памяти.

«Мы живем вечно, мы преобразуем сами себя, мы преобразуем планеты и солнечные системы, мы путешествуем со звезды на звезду, для нас нет ни времени, ни смерти, но есть нечто, чего мы не можем восстановить, – это память, – подумал он. В кильватерный след ялика ныряли голодные, надеющиеся на поживу морские птицы. – Потревоженная вода выносит наверх много всякого-разного. Мы не можем восстанавливать наши воспоминания – их приходится хранить отдельно, когда наши жизни переполняются, бьют через край, расплескиваются. У нас, у Пяти Сотен Отцов, воспоминания глубокие, много раз опустошенные».

Остров Сола представлял собой наклонную каменную плиту в экваториальном море – несколько скалистых гектаров. В его высочайшей точке, под сенью кривых ретро-олив

и кипарисов, стоял маленький дорический храм. Хозтекторы преданно оберегали его от земных бурь. Теперь Сол стыдился своего бывшего увлечения античностью, но Ления пришла в восторг от этого стиля. Она пустилась в пляс под оливами, под портиками, в дверных проемах. Сол вновь увидел ее такой же, как в ту первую ночь, в хороводе танцующих в честь окончания Малого года, в Олд-Ред-Ридже. Старая страсть. Новая боль.

В освещенном солнцем центральном зале Ления притронулась руками к барельефам из жизни Соломона Гурски. Они не уступили ее пальцам своих воспоминаний, но говорили с ней менее изощренным способом.

– Эта женщина... – Она задержалась перед изваянным в белом камне изображением. Соломон Гурски и высокая женщина с красивым аскетичным лицом стояли обнявшись на улице забытого города.

– Я любил ее. Она погибла в битве при комете Джуди. *Истинной* смертью. Я потерял ее.

– Значит, все дело в том, что я ее тебе напоминаю?

Он прикоснулся к барельефу. Воспоминание, яркое и пронзительное, как боль, растеклось по его нервам; мнемоторы загрузились в его ауру ЭЛЕНА. И еще воспоминание – из Числа орбитальных, когда завершился Долгий Поход, объект, ранее именуемый кометой Джуди, рассыпался, превратился в паутину из балок, ферм и жилых модулей, которые неслись над красными мерзлыми пустынями Орка.

Паутина, увешанная зрелыми плодами; спусковые модули, готовые просыпаться на новую планету, засевая ее семенами жизни. Тектоформирование. Среди плодов были и семена Пяти Сотен Отцов, прародителей всех рас и народов Орка. В том числе – Потаенный Замысел и Соломон Гурски, четверорукий, вакуумно-непроницаемый аватара жизни и смерти, оседлавший балку, во главе штормов Уризена. Преображающие верхоруки Сола прикасаются к основной памяти семени-матки. Запомнить ее. Запомнить Элену. И когда-нибудь – рано или поздно – вернуть назад. «Впечатать в нее влечение к моему запаху, чтобы, где бы она ни была, с кем бы она ни была, она пришла бы ко мне».

Он увидел себя удирающим, точно виноватый паук по нитям, на фоне модулей, которые падали на поверхность Орка.

Он увидел себя в этом же храме, в миг, когда луны Уризена были в сизигии, увидел, как прикасался к барельефу, вкладывая в него то, что камень вернул ему сейчас. Ибо он знал, что пока Ления будет единственным напоминанием об Элене, он может притворяться честным. Но знание все убило. Ления была не просто напоминанием. Ления была Эленой. Ления была симулякром, пустотелой подделкой. Ее жизнь, радость, печаль, любовь – сплошной обман.

Он никогда не предполагал, что она вернется к нему перед самым концом света. Им не хватило бы и тысячелетий. Но планета дала им лишь считанные дни.

Он был не в силах глядеть на нее, пока ходил от барельефа

к барельефу, заряжая свою ауру воспоминаниями. Он не мог прикоснуться к ней, пока они ждали на гальке перед яликом, который трансформировался в флаер для полета к Небесному Дереву. В высочайшей точке островка-плиты Храм Памяти расплзался на части, точно гниющий гриб. Он не пытался заняться с ней, как раньше, любовью, пока флаер скользил над растерзанными ландшафтами Теля и горелыми лесами Хризобериллов.

Она не понимала. Она думала, что чем-то его расстроила. Да, она его расстроила – но виноват был сам Сол. Он не мог сказать ей, почему внезапно сам себя изгнал из ее тепла. Он знал, что должен объяснить ей это, что это нужно – но не мог себя заставить. Он изменил выражение своей кожи на пассивную немоту и задумался о том, что за пятьсот долголет можно сделаться настоящим трусом.

Они – а вместе с ними и вечер – ворвались на Плато Небесной Глади, посреди которого высилось Небесное Дерево, несокрушимый черный луч, направленный прямо на глаз Уризена. Насколько хватало глаз, равнина мерцала огоньками и кострами транспорта и лагерей. Тепло-зрение зафиксировало миллион светляков; на этом последнем редуте собрались все обитатели Орка, кроме тех, кто предпочел уйти в землю. Вшитые в моухоу антисейсмические текторы оказывали отпор землетрясениям, терзавшим все прочие области планеты, но ярость толчков неуклонно усиливалась, предостерегая людей, что запас прочности иссякает. В конце кон-

цов Небесная Гладь треснет, как яйцо, а Небесное Дерево, обломившись, отскочит в космос, точно отрубленный нерв.

Идент Сола, удостоверивший его принадлежность к Пяти Сотням Отцов, позволил его флаеру покинуть спиральную очередь воздушных судов, летательных аппаратов и аэролюдей, которая обвивалась вокруг ствола Небесного Дерева, и занять привилегированное место на подъемнике. Флаер нагнал «челнок» на пятикилометровой высоте. Внезапная смена курса – теперь флаер неся к плоской стороне космического лифта. Была проведена синхронизация скорости с подъемником, который разгонялся все быстрее. Началось падение, от которого даже у бессмертных перехватило дух, возник крен: флаер ухватился своими зажимами за стыковочный сосок и повис, как клещ. После этого наступило долгое восхождение к небу.

Вынырнув из облака в стратосфере, Сол увидел, как над искривленным горизонтом планеты встает ослепительно белый бриллиант – Ульро. Пока еще маленький – не диск, но точка. Однако этот голый камушек, выжженный высококонцентрированным CO₂ своей собственной атмосферы, был достаточно силен, чтобы выпихнуть в глубокий космос целую луну. Задрав голову к прозрачному тенту, Сол увидел изящные, усеянные огнями ветви Небесного Дерева, распростертые на сотни километров над ликом Уризена.

Сол Гурски нарушил молчание:

– Ты уже знаешь, что будешь делать?

– Ну, раз уж я здесь, то не уйду в землю. А ледяной флот меня пугает. Много веков быть мертвым, замороженным в лед тектором. Похоже на смерть.

– Это и есть смерть, – сказал Сол. – Значит, отправишься на Уризен.

– Смена внешнего облика – только и всего. Еще один способ быть человеком. И преемственность – для меня это важно.

Он вообразил их прибытие: сила тяжести, все усиливаясь, тащит к планете спиральную вереницу вакуумно-прочных панцирей; между ними порхают искорки мыслеразговоров, нетерпения, упоения, страха, когда они скользнут по верхним слоям атмосферы и почувствуют, что их алмазную кожу лижет ионное пламя. Ления падает, горит на огне посадки, и ее пылающий след виден половине планеты. Антитепловой панцирь трескается, и она разворачивает крылья под вечный вой ветра, и с ревом включаются воздушно-реактивные двигатели в ее бесплодной матке.

– А ты? – спросила она. «Нежность», – говорила ее кожа. Его молчание и первая фраза после этого молчания сбили ее с толку – но все равно кожа твердила: «нежность».

– Я кое-что задумал, – туманно ответил он.

Но поскольку этот замысел означал, что они больше никогда не встретятся, Сол рассказал ей то, что узнал в Храме Памяти. Он пытался сделать это по-доброму, но все равно получилось подло, и все время, пока они не вышли из атмо-

сферы и не оказались на полдороге к небу, она проплакала в гнездышке на корме флаера. Он поступил подло. Глядя, как звезды за куполом разгораются все ярче, он не мог сам себе объяснить, зачем это сделал. Правда, есть вещи, которые необходимо убивать Истинной Смертью, чтобы они никогда не возрождались. Она все плакала и плакала, а ее кожа потемнела до полной немоты, но когда она взлетит, у нее в душе уже не сохранится ни любви, ни жалости к мужчине по имени Соломон Гурски.

«Хорошо быть ненавистным», – подумал он, когда Небесное Дерево подняло его на свои озаренные звездами ветки.

Пусковой лазер отдыхал, баки реактивной массы опустели. Соломон Гурски падал, все больше удаляясь от солнца. Уризен и его дети остались далеко позади. Он держал курс на север, прочь от эклиптики. Его кормовые глаза различали новое тусклое кольцо вокруг газового гиганта, тихо сияющее в теплодиапазоне: миллионы адаптированных ждали на орбите своей очереди, чтобы стремительно слететь вниз, к новой жизни.

Наверное, она сейчас с ними. Он проводил ее глазами, когда она вошла в семя и была демонтирована собственными серводухами. Он видел, как семя взорвалось и вышвырнуло ее в космос, уже преобразованную, и как она спалила свои жалкие килограммы реактивной массы на пути к Уризену.

Лишь после этого он ощутил себя вправе приступить к

собственной трансформации.

Рой жизни. Могущество. Почти истина – но какая вопиющая ошибка. Она чуть ли не пела, говоря о свободе бесконечного парения в облаках Уризена, но ей больше не видать такой свободы, как а этот миг – сейчас, когда она полностью открыта космосу, а перед ней распростерлась вся галактика. Свобода Уризена – обман, ее цена обусловлена давлением и гравитацией. Она заточила себя в атмосфере и гравитации. Уризен – тоже планета. Человек-паразит из народа Пепельных погреб себя в толще планеты. Водный Синяя Мана, всласть отоспавшись во льду, разбудит к жизни лишь очередную копию стандартной модели. Планеты на планетах сидят и планетами погоняют.

Бесконечное множество способов быть человеком, подумал Соломон Гурски, удаляясь от солнца. Он ощущал кожей, как к болезненному покалыванию магнитного поля Уризена примешивается ласковое тепло солнечного ветра. Солнце восходит. Час близится.

Много способов быть Соломоном Гурски, подумал он, созерцая свое новое тело. Он отождествлял себя с шишкой. Он был еловой шишкой, упавшей с Небесного Дерева, набитой зрелыми семенами. Каждое семечко – Соломон Гурски, эмбрион целого мира.

Прикосновение солнца – вот что приоткрывало эти семена хвойных на той, иной планете, давным-давно. Выбор подходящего момента – слишком важное дело, чтобы препору-

чать его высшему разуму. Подсистемы запрограммировали все пусковые векторы, он всего лишь отметил, что ветер Лоса все сильнее давит на его кожу, и ощутил, что начинает лопаться. Соломон Гурски рассыпался на тысячу чешуек. Когда семена начали выскакивать, ложась на заданный курс, он сторел в огне самого сладкого оргазма за всю свою жизнь, пока его личность не загрузилась в последнюю спору и не катапультировалась из опустошенного, мертвого тела-носителя.

Пролетев пятьсот километров, семена развернули свои солнечные паруса. Прерывистая волна частиц с помощью гравитационного поля Лувы и Энитармона разгонит эту светлую флотилию до скорости межзвездного перелета, и спустя много веков – много тысячелетий – световые парусники замедлят ход, и груз будет доставлен по назначению.

Он не знал, что найдут там его многочисленные личности. Отбирая цели, он не искал сходства с мирами, оставленными позади. Иначе вышла бы еще одна ловушка. Он ощущал, как его братья отключают свои когнитивные центры для большого сна – точно гаснут одна за другой звезды. Горсть разбросанных зерен – одни погибнут, другие прорастут. Кто скажет, что он найдет, – ясно лишь, что нечто поразительное.

– Сделай мне сюрприз! – потребовал Соломон Гурски от Вселенной, падая в тьму, которая разделяет солнца.

суббота

Ребро объекта равнялось 1,3 астрономической единицы. Если он сохранит свою нынешнюю скорость (10 % от скорости света), то прибудет через тридцать пять часов. Развалившись в шезлонге у фонтана «Нептун», Соломон Гурски наконец-то подобрал для объекта имя. Очень долго, множество часов, на множестве языков он придумывал подходящее название для этого зловеще надвигающегося из космоса объекта. Больше всего ему понравилось имя на языке, который (по его расчетам) уже тридцать миллионов лет относился к разряду мертвых. ИТА. Аббревиатура: Инопланетный Таинственный Артефакт. «Таинственный Инопланетный Артефакт» было бы точнее, но тогда получилось бы слово, которое еще на одном древнем мертвом языке значило просто-напросто «тетя».

На Версальский парк упали тени – огромные и мягкие, как облака. По солнечному диску проплыл лес – маленький такой лесочек, чуть больше рощи, подумал он, все еще упиваясь понятиями, которые можно было выразить на том мертвом языке. Он проводил взглядом пролетевшие над его головой сферические деревья, каждое из которых имело один километр (опять архаизм) в диаметре, одновременно наслаждаясь приятной игрой холодных теней и теплых лучей на своей коже. Чувственные радости воплощения.

Когда перелетные леса мигрируют над руслами чернильно-черных рек Финтифлюшки, вслед за ними, перебраниваясь, спешат цедильники и жадно поглощают пюре из бактерий и сложных фуллерин. Так было и на этот раз.

Соломон Гурски затемнил свои глаза, оберегая их от слепящего света местного солнца – белого карлика. Кольцо Духов, тянувшееся от перспективы Версаля до экваториальной плоскости, казалось едва заметным глазу филигранным ожерельем, накинутым на звезду. Перспектива. Я ее эманация? Или она моя эманация?

Перспектива? Нашел о чем беспокоиться, когда на тебя во весь опор летит скелет-тетраэдрон с ребрами длиной в 1,3 астрономической единицы⁷.

Плевал я на него. Я все-таки вроде как человек.

– Покажи, – сказал Соломон Гурски. Почувствовав его умысел (ибо Версаль был лишь элементом его умысла, да и все, что жило и шевелилось внутри Финтифлюшки, было его умыслом), диск с тектофактурированной Францией эпохи барокко начал крениться, отворачиваясь от солнца. Солнцелилии, на которых располагались Версальский дворец и его парки, генерировали свои собственные гравитационные поля; Соломон Гурски увидел, как за Малым Трианоном спустилось крохотное, яркое солнце, и подумал: «Я вновь изобрел закаты». А когда черный свод над его головой озарили

⁷ Астрономическая единица – среднее расстояние между Солнцем и Землей (приблизительно 150 млн. км).

звезды: «Ночь выглядывает из моей тени».

Звезды замедлили движение, зависли над трубами Версаля. Сол надеялся, что сумеет разглядеть объект невооруженным глазом, но в тиховремени не учел скромных способностей первобытного человеческого облика. Grimаса досады – и текторы, проработав несколько мгновений, трансформировали его органы зрения. «Щелк-щелк-щелк»: степень увеличения возрастала, пока на звездном небе не проступили призрачные, мерцающие нити света – точно рисунки богов и мифических существ, которые древние располагали на уютных небесах вокруг Точки Альфа.

Еще один щелчок, и сооружение обрело материальный облик.

У Соломона Гурски перехватило дыхание.

Поскольку природа поместила род людской между микро – и макромирами, естественное свойство человека – чувствовать себя карликом по сравнению с космическими объектами. Эта необходимость самоутвердиться перед «большим» и заставляет человечество рьяно завоевывать пространство. Но если карликом кажется целая ЗВЕЗДА, тут вообще дышать забудешь. Благодаря Кольцу Духов Сол знал размеры, массу, векторы объекта. Между вершинами ИТА могла запросто уместиться вся Финтифлюшка. Каббалистический знак. Космический глаз в пирамиде.

В паху у человека Соломона Гурски похолодело. Сколько миллионов лет прошло с тех пор, когда его мошонка в по-

следний раз съеживалась от страха?

Длина ребра – одна целая три десятых астрономической единицы. Масса – восемь секстиллионов тонн. Скорость – одна десятая световой. Эта штукавина должна была произвести фурор во всем звездном скоплении. Даже в тиховремени у Сола была бы фора для подготовки. Но ИТА заявила безо всяких предупреждений. Просто бац – и возникла: поблекшая гексаграмма гравитометрических помех в его внесистемных сенсорах. Сол среагировал моментально, но за несколько секунд растянутого тиховремени, которые понадобились ему для изобретения и создания этого каприза в духе Людовика Четырнадцатого, объект преодолел две трети дистанции между точкой своего появления и Солом. Время тварного мира позволяло ему оценивать ситуацию во всех деталях.

«Что ты несешь, виноград или яд?» – спросил Соломон Гурски у штукавины в небе. Она пока так и не заговорила, отвечала молчанием на все попытки с ней связаться, но, безусловно, несла хоть какой-нибудь дар. Ее появление можно было объяснить только одним образом: штукавина манипулировала черными дырами. Ни одна из цивилизаций Кругозора – области, охватывавшей большую часть западного полушария галактики, – еще не создала нанотехнологии, способной перекраивать сам континуум.

Ни одна из цивилизаций Кругозора, ни одна из федераций планетосоциумов, с которыми Кругозор граничил, никогда

не сталкивалась с видом, происхождение которого не восходило бы к Точке Альфа – к полуполюгендарному «большому взрыву» рас, который выбросил во Вселенную Пан-Человечество.

«Только в этой галактике – четыреста миллиардов звезд, – подумал Соломон Гурски. – Мы не засеяли даже половины. Наши фокусы с временем – замедление процессов восприятия, пока общение со скоростью света происходит безо всяких пауз, а плавание наших Сдолевых кораблей – не длиннее, чем морские путешествия реконструированной мной эпохи, – внушают нам иллюзию, будто Вселенная близка и приветлива, точно тело любовницы, и столь же хорошо нам знакома. Пять миллионов лет между Моно-Человечеством Точки Альфа и Пан-Человечеством Великого Прыжка Вдаль – всего лишь долгий вздох, глубокомысленная пауза в нашем разговоре с самими собой. Тридцать миллионов лет я совершенствовал сеть жизни в этой уникальной системе: уйма времени и пространства для того, чтобы настоящие инопланетяне догнали нас и уже превзошли».

И вновь это ощущение озноба в мошонке. Сол Гурски повелел Версалью вновь повернуться лицом к солнцу, но ментальный холод уже прокрался в его душу. Оркестр Люлли устроил для его развлечения галантное празднество в Зеркальном Зале, но тем громче в его голове выла разрушительная, стремительно летящая чужеродная масса. Когда солнечный зонтик заслонил Версаль от звезды и Сол в сумрачной

спальне примостился между мягкими напудренными грудями фрейлин, он впервые за тридцать миллионов лет познал страх.

И увидел сон. Сон принял обличье воспоминания: перенесенного в иной контекст, трансформированного, воскрешенного. Ему приснилось, будто он – звездолет, после пятидесяти тысячелетий смерти разбуженный теплом нового солнца, которое согрело его солнечный парус. Ему приснилось, что за время его бескрайнего сна звезда, к которой он направлялся, внезапно превратилась в новую. Она стряхнула с себя фотосферу, образовав туманность из лучезарного газа, но взрыв был слабоват: кислородно-водородно-азотно-углеродная плазма, притянутая гравитацией, образовала вокруг звезды углеводородный пузырь. Ауру. Яркую финтифлюшку. Соломону Гурски приснился ангел: легко скользя на тектопластиковых крыльях стокилометрового размаха, он качался на химическитермальных потоках, рассеивая семена из своих длинных, тягучих пальцев. Целый век ангел кружил вокруг солнца: сеял, подкармливал, выхаживал странные побеги, которые проросли из его пальцев – полуживых, полумеханических существ.

Похрапывая между напудренными грудями придворных дам, Сол Гурски перевернулся на другой бок и пробормотал слово – «эволюция».

Соломон Гурски был согласен стать богом философов, создателем, но не кормильцем; слишком опытным в житейских

делах, чтобы соваться со своим всемогуществом в постылое будничное существование. Он увидел зелень своих произрастающих в невесомости деревьев, обширные красные плиты небесных рифов, качающиеся на солнечном ветру. Он увидел дирижабликов и медуз, беспокойные разинутые пасти пожирателей воздушного планктона, тоненькие, снабженные реактивной тягой дротики гарпунщиков. Он увидел, как за тридцать миллионов безвременных лет целая экосистема сама себя соткала из газа и энергии, он увидел, как разум расцвел и расселился по звездам, а потом состарился и погас; и все это произошло в мгновение ока, если считать по времени людей.

– Эволюция, – вновь пробурчал он, и женщины-конструкты, ничего не понимавшие в снах, тревожно переглянулись.

Сновидение разворачивалось своим чередом. Сол Гурски увидел Кольцо Духов и корабли, снующие между окрестными системами. Он услышал субауральную невнятицу межзвездной болтовни – казалось, в соседней комнате совещаются заговорщики. Он взгляделся в эту кутерьму развивающейся, мутирующей жизни и понял, что она очень хороша. «Не мир, а картинка», – сказал он себе и испугался за его существование.

Он проснулся. Было утро – как и полагалось на Финтифлюшке Сола. Он нормализовал уровень тестостерона в крови, сделав зарядку, а потом опрокинул Версаль темной стороной вверх, чтобы увидеть тень своих кошмаров. Послед-

ние всполохи его либидо мгновенно погасли. На расстоянии в восемнадцать световых часов астрономические величины несли мощный эмоциональный заряд. Внутренняя поверхность каждой из шести ног ИТА была оторочена крапчатой сине-зеленой лентой. Телескопический взгляд обнаружил там лесистые континенты и океаны, затянутые узорчатыми фрактальными облаками. Каждая лента-мир имела ширину двух очищенных от кожуры и отглаженных Точек Альфа, растянутых до длины в 1,3 а.е. Сол Гурски был рад, что данное воплощение не способно мгновенно рассчитать, скольким миллионам среднестатистических планет эквивалентна площадь лент; сколько сотен тысячелетий понадобится человеку, чтобы дойти пешком от вершины до вершины, где этот человек остолбенеет, точно древние конкистадоры, перед новым океаном, созерцая новый мир тысячелетней глубины.

Соломон Гурски развернул Версаль к солнцу. Прищурившись, начал высматривать в знойной дымке Финтифлюшки тонюсенькие нити Кольца Духов. Его сознание, дрогнув, переключило органы восприятия на режим тиховремени на единственный вид времени, в котором было возможно мыслеобщение с Кольцом Духов изначальной личностью Сола. Самоконсультация, самоисповедь.

"Связь не установлена?"

"Нет", – произнесло Кольцо Духов.

"Оно инопланетное? Его следует опасаться? Не следует ли

разрушить Финтифлюшку?"

В другом времени подобная шизофрения считалась бы болезнью.

"Оно может тебя уничтожить?"

В качестве ответа Сол послал браслету из информационных текторов, который обращался вокруг солнца, визуальный образ огромного тетраэдрона.

"Тогда это ничто, сказала Кольцо Духов. А раз ничто, то и бояться нечего. Может ли оно причинить тебе боль или унижение, физические либо душевные муки?"

И вновь Сол нарисовал изображение окутанных облаками стран, возвышающихся одна над другой, удивляющихся Соломону Гурски, который возомнил, будто такая уйма материи и духа создана исключительно для уничтожения его, Соломона Гурски.

"Значит, и с этим все в порядке. И что с того, если он инопланетный как он может быть инопланетнее тебя самого в сравнении с тем, кем ты был когда-то? Все Пан-Человечество инопланетно по отношению к самому себе; следовательно, нам нечего бояться. Мы радушно встретим нашего гостя, у нас к нему много вопросов".

И один из главнейших: "За что мне такое наказание?" – подумал Соломон Гурски под куполом своего собственного черепа. Он вышел из тиховремени Кольца Духов и обнаружил, что за несколько субъективных мгновений разговора ИТА переступила порог Финтифлюшки. До переднего кон-

да тетраэдрона оставалось всего три часа. От этого конца до ступицы ИТА было еще полтора часа.

Поскольку, судя по всему, мы не можем ни ускорить, ни предотвратить прибытие объекта, ни догадаться о его намерениях, пока он не соблаговолит установить с нами связь, сказал Сол Гурски своим фрейлинам спальни, давайте устроим бал.

И бал состоялся у Зеркального пруда, и оркестр Люлли играл, и каплуны жарились на углях, и арлекины на освещенной факелами сцене дурачились и дрались, разыгрывая фарсы и любовные драмы прошлых времен, и нагие женщины плескались в фонтане с тритонами, и фантастические берега длиной сто миллионов километров скользили мимо. ИТА двигалась вперед, пока солнце Сола не оказалось в ее центре. Потом остановилась. Резко, внезапно. Легкая гравитационная дрожь сотрясла Версаль, оркестранты сбились с ритма, жонглер уронил булаву, вода в фонтане забурлила, женщины завизжали, каплун упал с вертела в огонь. На том все и кончилось. Масса, инерция и гравитация оставались под полным контролем.

Дирижер оглянулся на Соломона Гурски, уже подняв свою палочку, чтобы возобновить концерт. Но Сол Гурски не махнул ему платком. Ближайшая секция ИТА была в пятнадцати градусах восточнее, в двухстах тысячах километров. Для Сола Гурски то были два пальца освещенной солнцем земли, которая с обоих концов сужалась до бесконечно ма-

лой толщины, до световых нитей. Он поднял глаза к вершине, от которой спускалась и исчезала за горизонтом другая пара сверкающих нитей: одна проходила за Малым Трианомом, другая ныряла за крышу Королевской Капеллы.

Дирижер все еще ждал. Прикинув щеками к инструментам, музыканты застыли в ожидании сигнала.

На лужайке кричали павлины. Сол Гурски вспомнил, какие у них неприятные голоса, и пожалел, что возродил их.

Сол Гурски взмахнул платком.

Из посыпанной гравием площадки кверху лестницы поднялся столб белого света. Воздух наполнился светлячками.

«С нами пытаются выйти на связь», – сообщило Кольцо Духов во время проблеска тиховремени. Сол Гурски ощутил, как в кору его мозга хлынула информация от Кольца: луч исходит от источника в крайней части ближайшей секции артефакта. Луч перепрограммировал текторы, которые создали и стабилизировали Финтифлюшку, и теперь, работая в гипертемпе, они превращали Землю Версаля в новый конструкт.

Столб света растаял. На верхней ступени лестницы появилась фигура человека, белый мужчина из Точки Альфа, одетый в стиле Людовика Четырнадцатого. Мужчина спустился по лестнице, шагнул на площадку, озаренную светом факелов. Сол Гурски заглянул ему в лицо.

И расхохотался.

– Милости просим, – сказал он своему двойнику. – Не же-

лаете ли к нам присоединиться? Капли скоро будут готовы, мы можем угостить вас лучшими винами, какие только известны человечеству, а вода в фонтанах, несомненно, приятно освежит того, кто совершил столь долгое и дальнее странствие.

– Спасибо, – ответил Соломон Гурски Соломону Гурски. – Я очень рад встретить такой гостеприимный отклик после изобилующего странными приключениями путешествия.

Сол Гурски кивнул дирижеру – тот поднял палочку, и «petite bande»⁸ возобновил свой прерванный гавот.

Позже, на каменной скамье у пруда, Сол Гурски сказал своему двойнику:

– Я ценю вашу учтивость, но вам не стоило принимать мой облик. Все это – такой же конструкт, как и вы сами.

– Почему вы считаете это учтивостью? – спросил конструкт.

– Почему вы предпочли облик Соломона Гурски?

– А почему бы и нет, раз это мой собственный облик?

В пруду, смазывая удлиненные отражения ИТА, резвились nereиды.

– Я часто гадаю, далеко ли дотянулся, – сказал Сол.

– Дальше, чем ты можешь себе вообразить, – ответил Сол-П. Веселые nereиды нырнули в воду; по пруду разбежались круги. Гость смотрел, как маленькие волны перехлестывают

⁸ маленький оркестрик (*фр.*).

через каменный парапет и сталкиваются друг с другом.

– Там, вдали, есть другие, те, кого мы и не могли себе вообразить, и они движутся сквозь тьму очень медленно, очень молчаливо. Мне кажется, они старше нас. Они не похожи на нас, совсем не похожи, а мы теперь достигли плоскости, где наши сферы экспансии смыкаются.

– Я сильно подозревал, что они – ты – инопланетный артефакт.

– Я и есть инопланетный. И в то же самое время – нет. Я самый настоящий Соломон Гурски и самый настоящий Другой. Вот в чем смысл этого артефакта – мы достигли точки, когда надо либо соперничать с разрушительными для себя последствиями, либо объединяться.

– Стоило ли добираться из такого далека просто ради встречи с родственником? – пошутил Соломон Гурски. Он увидел, что двойник рассмеялся, и как он рассмеялся, и почему он рассмеялся. Он встал с каменного парапета пруда Нереид. – Пойдем со мной, поговорим. Нам надо наверстать тридцать миллионов лет.

Брат догнал его, пошел рядом, и, повернувшись спиной к пруду, они вместе скрылись в парке, озаренном огнями ИТА.

История Сола-II: из семян, рассеянных гибелью Орка, дольше всего падал он. Восемьсот тысяч лет от пробуждения до пробуждения. Когда тепло нового солнца склонило его текторы к трансформации, сенсоры доложили, что в этой системе он не один. Бурый карлик, у которого он затормо-

зил, демонтировали некие существа, чтобы выстроить сферическую структуру из множества космических поселений.

– Их технология сходна с нашей – наверное, таковы неизбежные законы Вселенной, – но мы покамест привязаны к планетам, а они давно уже разорвали эти узы, – сказал Сол. П. В Версальском парке на миг стемнело – небесный риф заслонил ИТА. – Я заключил, что они старше нас – ибо я никогда не видел их изначального облика. В отличие от нас, они больше с ним не связаны – подозреваю, вообще его забыли. И лишь когда мы полностью слились, я уверился, что они не являются еще одним вариантом человечества.

На маленькой полянке стояла деревянная карусель с ручным приводом. В лучах небесного света морды расписных лошадок казались сердитыми и несчастными. К железным петлям на ободке тента были подвешены деревянные кольца. Бутафорские копыта, с помощью которых рыцари добывали свои трофеи, были сложены и заперты в шкафчике, вделанном в центральный столб карусели.

– Время не властно над нами, мы даем начало расам, народам, целым экосистемам, но мы бесплодны, – сказал второй Сол. – Мы вырождаемся из-за кровосмешения. Где единства противоположностей? Где соитие? Где энергия гибридов? Быть с другими – это как секс. Совокупление. Из плавильного котла идей, грез и способностей родилось то, что ты видишь сейчас.

Первый Сол Гурски положил руку на шею расписной ло-

шадки. Умело сбалансированная карусель моментально пришла в движение от этого легкого нажатия.

– Зачем ты здесь, брат? – спросил он.

– Мы обменялись технологиями, мы научились решать инженерные задачи на квантовом уровне, чтобы распространить эффекты полей на макромасштаб. Управление гравитацией и инерцией; упразднение локальности; мы умеем строить и контролировать квантовые черные дыры.

– Зачем ты пришел, Сол?

– Формирование альтернативных потоков времени; конструирование и колонизация параллельных миров, процессоры гиперпространства и гиперконтинуума. Кроме этой Вселенной, есть много других – решайся и исследуй.

Деревянная лошадка замерла.

– Чего тебе надо, Сол?

– Присоединяйся к нам, – сказал другой Соломон Гурски. – Ты всегда мечтал – мы всегда мечтали, Соломоны Гурски, – о том, чтобы человечество заполонило все возможные экологические ниши.

– Абсорбция, – сказал Соломон Гурски. – Ассимиляция.

– Единство, – сказал его брат. – Супружество. ЛЮБОВЬ. Ты ничего не утратишь и все приобретешь. Все, что ты здесь создал, будет сохранено в архивах. Собственно, таков и я сам – машина для запоминания. Не бойся, Сол, это не аннигиляция. Твоя индивидуальность не растворится в каком-то безликом коллективе. Просто твое «я» превратится в «я плюс».

Жизнь в четвертой степени. И в конце-то концов мы одно семя, ты и я, противоестественно разделенное семя. Мы приобретем друг друга.

«Если ничего не утрачено, то сейчас тебе вспоминается то же самое, что и мне, – подумал первый Соломон Гурски. – Я вспоминаю лицо, которое забыл на тридцать миллионов лет с лишним, – лицо равви Бертельсманна. Пухлощекое, белое, приятное лицо. Мы, целая группа мальчиков, готовимся к обряду бармитцве⁹. Тема занятия – мастурбация. Равви говорит, что Бог проклял Онана не за наслаждение грехом – но за то, что Онан пролил семя свое на землю. Онан был бесплоден. Он ни с кем не поделился дарованной ему жизнью. А теперь я бог моего собственного мира, и равви Берг, улыбаясь, твердит: «Мастурбация, Сол». Я просто проливал семя на землю и ничегошеньки не породил. Развлекался воспроизведением: бесконечно воспроизводил себя до скончания будущего».

Он поглядел на своего близнеца.

– Равви Бертельсманн? – спросил Сол Гурски-II.

– Да, – ответил Сол Гурски-I.

И немного погодя многозначительно, уверенно повторил:

– Да!

Улыбка Соломона Гурски-II рассыпалась стайкой солнечных пылинок.

⁹ еврейский обряд, после совершения которого подросток считается совершеннолетним.

Внешние края огромного тетраэдрона сверху донизу засияли огоньками десяти миллионов алмазов. Глядя, как белые лучи скользят по Финтифлюшке, Сол понял, в чем их предназначение – они управляли временем и пространством. Свет распространяется быстро – но недостаточно быстро для того, чтобы синхронизировать действия огромной ИТА.

Воздушные деревья, небесные рифы, гарпунщики, цедильщики, дирижаблики, зепы, облачные акулы – все, к чему прикасались проворные лучи, анализировалось, постигалось и архивировалось. Ангелы-хроникеры, подумал Сол Гурски, глядя, как серебряные ножи анатомируют его мир. Он увидел, как Кольцо Духов расплелось, подобно спирали ДНК, и миллиард дней Соломона Гурски хлынул вверх по трапу, исчез в ИТА. Стержень не выдержал: гравитационное поле, ранее управляемое Кольцом Духов, поле, которое стабилизировало экосферу Финтифлюшки, слабело. Мир Сола умирал. Он не ощутил ни боли, ни печали, ни жалости – а что-то вроде злорадства, неистовое желание удрать, выйти вовне, освободиться от тяжелого груза жизни и гравитации. Это не смерть, подумал он. Ничто не умирает. Никогда.

Он поднял глаза. Ангелолуч начертил огненную дугу на крышах Версальского дворца. Он встретил этот луч с распростертыми объятиями и распался на части, разъятый светом. В сознании Бога хранится и возрождается все. Сознание Соломона Гурски выронило Версаль из памяти – и он рассеялся на стайки вольных летучих текторов.

Конец не заставил себя ждать. Ангелы занялись фотосферой звезды и замысловатыми квазиинформационными машинами, которые работали в ней. Солнце, потревоженное после долгого покоя, ошалело зашаталось. Кольцо Духов рассыпалось. Его обломки, кувыркаясь, валились на Финтифлюшку: эффектно крушили умирающие небесные рифы, ломали облачные леса. Попадая на самоубийственную околосолнечную орбиту, они на миг загорались праздничными огнями и гасли – а солнце все раздувалось и раздувалось.

Солнце агонизировало. Его хромосфера покрылась оспинами солнечных пятен; от полюса до полюса проносились штормы, гоня цунами миллионокилометровой высоты. Перепуганные стаи охотников сгорали и погибали в солнечных протуберанцах – ибо фотосфера уже захватывала края Финтифлюшки. Солнце набухло, надулось, точно беременное зловещим больным плодом: ИТА манипулировала фундаментальными законами физики, подпиливала узы гравитации, на которых держалась система. Чтобы запустить свои генераторы квантовых черных дыр, ИТА нуждалась во всей энергии, высвобождаемой при смерти звезды.

Звезда превратилась в миску с кипящим, воющим газом. На Финтифлюшке не осталось ни одного живого существа. Все сохранялось в сознании ИТА.

Звезда взорвалась, превратившись в Новую. По идее, ее энергия должна была вскипятить океаны ИТА, вырвать с корнем ее континенты. По идее, ее энергия должна была

согнуть и сломать, точно стебли тысячелистника, длинные и тонкие ребра артефакта, и он понесся бы сквозь вакуум невесть куда, похожий на смятое яйцо Фаберже. Но ИТА соткала прочные заслоны: гравитационные поля отразили электромагнитные лучи от хрупкой суши; квантовые процессоры проглотили штормовую волну заряженных частиц – и трансформировали пространство, время, массу.

Четыре угла ИТА на миг засияли ярче, чем само умирающее солнце. И она исчезла: нырнула под время и пространство, направилась к мирам, приключениям, переживаниям, для которых нет ни понятий, ни образов.

воскресенье

Накануне гибели Вселенной Соломон Гурски все чаще и чаще думал о своих потерянных возлюбленных.

Будь Юа чисто материальна, она являлась бы самым огромным объектом во Вселенной. Но доля материи присутствовала лишь в ее «ветвях» – сталактитах длиной в двадцать световых лет, которые, вращаясь в протовещество-илем, накапливали энергию развоплощения. Большая часть Юа, ее девяносто девять процентов, существовала в одиннадцатимерном континууме. В сложенном виде. Она была самым огромным объектом во Вселенной в том смысле, что ее пяти-и шестимерные формы содержали рудиментарный поток энергии, который в просторечии считается Вселенной. Высшие измерения Юа содержали лишь себя, повтор за повтором. Она была воронкообразна. Она была обширна и содержала в себе бесчисленные множества.

Пан-Жизнь – эта аморфная, многоликая космическая инфекция человеческих, трансчеловеческих, нечеловеческих, Пан-человеческих разумов – заполонила Вселенную задолго до того, как континуум достиг своего предела эластичности и начал сжиматься под весом черной материи и тяжелых нейтрино. Фенотехнология и нуль-транспортировка через черные дыры в мгновение Божьего ока распространили Пан-Жизнь по суперскоплениям галактик.

Не стало ни человечества, ни инопланетян. Ни «нас», ни «их». Была только ЖИЗНЬ. Мертвые стали жизнью. Жизнь стала Юа – Пан-спермой. Юа обрела сознание и, как Александр Великий, пришла в отчаяние из-за того, что нечего больше завоевывать. Вынашивая в себе Юа, Вселенная состарилась, одряхлела, ссохлась, схлопнулась. Красное смещение галактик сменилось синим. И Юа, наделенная атрибутами, способностями, амбициями и прочими чертами божества (кроме имени и терпения), обнаружила, что ее задача – воскрешать.

Галактики с головокружительной скоростью устремились друг к другу. Гравитация раздирала их в клочья, на завитки рваных звезд. Массивные черные дыры в ядрах галактик, накопившие энергию от миллиардов звездных смертей, срастались друг с другом, слипались в чудовищные образования, которые, не разжевывая, глотали шаровые скопления звезд, раскалывали галактики и заставляли их сворачиваться в трубочку, пока на краю радиуса Шварцшильда те не начинали испускать супержесткое гамма-излучение. Но Юа давно вплелась в высшие измерения и питалась колоссальной энергией дисков-аккреций, которые запечатлевали в многомерных матрицах жизнь триллионов разумных организмов, спасавшихся от гибели на ветвях Юа. В сознании Бога сохраняется все: в час гибели, когда уровень фоновой радиации во Вселенной асимптотически повысится и восстановится энергоплотность, характерная для первых секунд Большо-

го Взрыва, Юа высвободит некое количество энергии, вполне достаточное для того, чтобы вплетенные в Одиннадцать Небес фемтопроцессоры восстановили Вселенную Целиком. Новое небо и новую Землю.

В транстемпоральных матрицах Юа Пан-Жизнь, стекая с измерения на измерение, капала с кончиков ветвей в тела, сконструированные специально для радостных купаний в плазменных реках Рагнарека. Участники турпоездки «К гибели Вселенной» в большинстве своем выбрали обличье крылатых огненных созданий тысячекилометровой величины. Жар-птицы. Звездные кондоры. Но существо, известное под именем Соломона Гурски, избрало нечто оригинальное, архаичную форму с давно исчезнувшей планеты. Ему очень нравилось быть Статуей Свободы тысячекилометрового роста с алмазной кожей и, высоко подняв факел, освещать дорогу между потоками звездного вещества. Сол Гурски порхал между стаями сияющих птицеводуш, наводнявших информационно-богатые места у кончиков ветвей. Он чувствовал их любопытство, их восторг, их ужас перед его нонконформизмом – но никто не понимал, в чем соль его шутки.

Потерянные возлюбленные. Сколько жизней, сколько планет, сколько тел и лиц, сколько возлюбленных. Они были не правы – те, в самом начале говорившие, что любовь не переживает смерти. Он сам был не прав. Вечность – вот что губит любовь. Любовь измеряется сроком человеческой жизни. Бессмертие дает ей достаточно времени и пространства,

чтобы измениться, чтобы перерасти в вещи, которые больше любви или зловеще не похожи на нее. Ничто не выдерживает испытания. Ничто не держится вечно. Бессмертие – бесконечные перемены.

Накануне гибели Вселенной Соломон Гурски понял, что лишь смерть делает любовь вечной.

Все вещи хранились в Юа, ожидая воскресения, когда время, пространство и энергия сольются воедино, прекратят существование. Самым болезненным из заархивированных воспоминаний Сола был образ красно-желтого ангела-истребителя в тигровую полосу – искалеченного обрубка распятия, падающего к звездным облакам Девы. В поисках Элены Сол просмотрел триллионы душ, дремавших на насестах Юа. Безуспешно. Он принялся искать кого-нибудь, кто прикасался к ней, сохранил о ней хоть какие-то воспоминания. Не нашел. Пока Вселенная сжималась – быстро и бесповоротно, точно давно забытый сезон времени Юа, – Сол Гурски лелеял надежду, что всеобщий сбор призовет и ее. Суровые истины терзали его душу: уравнения молекулярной растворимости, коэффициенты трения о межзвездные пылевые облака, вероятность столкновений с солнцами, медлительный фатальный визг, испускаемый протонами при распаде. Из всего этого следовало, что Элены больше нет. Но Сол отрицал эти истины. Тысячекилометровая статуя Свободы прочесывала сужающийся космос, надеясь хоть одним глазком увидеть красно-желтые тигровые полосы, окружен-

ные нимбом фрактального плазменного огня.

И вот покой его органов чувств, пронизывающих все Одиннадцать Небес, нарушила знакомая искорка.

Она. Должно быть – она!

Сол Гурски подлетел к глазу гравитационной стабильности циклона и включил систему черных дыр, врезанных в его алмазную кожу. Пространство раскрылось и вновь сложилось, точно фигурка оригами. Сол Гурски отправился в иной мир.

На энергетически богатой кайме центрального диска-аккреции щипала траву жар-птица. Она была огромна. Статуя Свободы Сола казалась бородкой одного из тысячи ее маховых перьев, но птица почуяла его, обрадовалась и, подцепив крыльями, поднесла к изменчивому узору из солнечных пятен, который являл собой душу ее существа.

Он узнал эти узоры. Он вспомнил вкус этих эмоций. Он воскресил эту любовь. Он попытался почувствовать, она ли это: ее путешествия, ее испытания, ее переживания, ее муки, ее безбрежности.

Простит ли она его?

Солнечные пятна распахнулись. Всосали Соломона Гурски. Тучи текторов проникли в него, обмениваясь, делясь, фиксируя. Совокупление умов.

Он вошел в ее приключения среди инопланетных рас, которые были в пять раз старше Пан-Человечества, в альянз воль и сил, пробудивших галактику к жизни. В ее предыду-

щем воплощении он прошел по планетам, которыми она стала, навестил династии, расы и виды, которые она породила. Он совершал вместе с ней долгие переходы от звезды к звезде, от скопления к скоплению, от скоплений к галактикам. Раньше, еще раньше вместе с ней он парил по облачным каньонам планеты – газового гиганта, которая называлась Уризен, а когда солнце чересчур жарко обняло эту планету, он вместе с ней перешел в новый режим и отправился искать новые места.

Между ними существовала абсолютная сопричастность, и Солу Гурски не удалось скрыть от нее свое разочарование.

«Прости меня, Сол», – сказала жар-птица, когда-то носившая имя Ления.

«Ты ни в чем не виновата», – возразил Соломон Гурски.

«Прости, что я – не она. Прости, что я никогда не была ею».

«Я создал тебя, чтобы ты стала моей любовницей», – сказал Сол. – Но ты оказалась древнее, богаче, ты оказалась тем, что мы потеряли».

«Дочерью», – продолжила Ления.

В синем смещении накануне гибели Вселенной прошло неизмеримое количество времени. Ления спросила:

«Куда ты держишь путь?»

«Найти ее – вот единственное не завершенное мной дело», – ответил Сол.

«Да, – приникла к нему душой птица. – Но мы больше не

встретимся».

«Да, в этой Вселенной – уже нет».

«И ни в какой другой. Это смерть, вечная разлука».

«Моя неутешная тоска, – мыслемолвил Сол Гурски, когда Ления распахнула свое сердце и облака текторов расступились. – Прощай».

Статуя Свободы оторвалась от тела жар-птицы. Квантовые генераторы Лении создали в урагане зону гравитационного шторма. Манипулируя временем и пространством, Сол Гурски исчез.

Он вновь вошел в континуум так близко к ветви, насколько у него хватило смелости. Рывок сознания – и он уже у ее дендритов, и они тянут Сола к себе. Еще один рывок сознания – и потешная статуя Свободы растворилась в плазме. Соломон Гурски вознесся по дендриту сквозь ветвь – в матрицу души Юа. Там он вырубил себе нишу в одиннадцатом, высочайшем небе и увидел кончину Вселенной из глубокого подвременья.

Как он и ожидал, Вселенная погибла в огне, торжественно и светло. На его глазах пространство и время скривились, схлопнулись, преодолев предел планковских измерений; он почувствовал, как градиенты энергии подскочили до бесконечности – Вселенная приблизилась к нулевой точке, в которой спонтанно возникла когда-то. Он ощутил, как вшитые в одиннадцать измерений универсум-генераторы собрали эту энергию прежде, чем она успела рассеяться, и заста-

вили работать. То была волна, порыв мощи и страсти, похожий на воспоминание об оргазме, затерянное далеко-далеко где-то в цепочке воспоминаний среди дней Соломона Гурски. Свет становится силой, сила – воспоминанием, воспоминание – плотью. Заархивированные воспоминания Юа, история каждой частицы в былой Вселенной, вплетаются в плотную ткань бытия, осуществляются. Умные супернители скатывают одиннадцатимерное пространство в шарики, точно священные скарабеи свои навозные катышки. Пространство, время, масса, энергия – все разворачивается, умирая в квантовом хаосе. Вселенная вновь рождается на первозданном свете.

Соломону Гурски, ожидавшему в тиховремени, где каждый вздох длился эру, показалось, будто Вселенной кто-то повелел возникнуть – и она мгновенно повиновалась. Краткая яркая вспышка – и в поле его зрения появились галактики, звездные скопления, солнца, вполне сформированные, живые. Личности уже покидали пчелиные соты Юа, чтобы занять свои места во времени, воплотиться. Но возродилась не Вселенная, а много вселенных. Вновь воскресшие вовсе не были обязаны слепо повторить свои прежние жизни. Каждое решение и поступок, отклонявшиеся от первоначального хода событий, расщепляли Вселенную на параллельные миры. Сол и Ления не ошиблись, говоря о том, что больше не встретятся. Сол вошел в новый Поливерсум на тысячу лет раньше Лении; Вселенная, которую он надеялся создать, ни-

когда не пересечется с ее миром.

Старшие цивилизации уже расслоили Поливерсум, превратив его в тысячелистник альтернатив. Пока первые люди падали в прошлое планеты Земля, Сол тщательно проследил путь своей цепочки событий сквозь кутерьму вероятностей. Звезды соединялись в знакомые созвездия, напоминая Солу, что до его появления остается всего несколько сотен тысячелетий. Он спускался по пространственным матрицам, на каждом уровне неуклонно приближаясь к темпоральному потоку своей конкретной Вселенной.

Соломон Гурски завис над вращающейся планетой. Расцветали и угасали цивилизации, расширялись и рушились империи. Все больше открытий: новые технологии, новые континенты, новые народы. И все это время – альтернативные Земли спадали с его личной Земли, точно оборванные листки календаря на ветру – мертвецы создавали новые вселенные, чтобы их заселить. Совсем близко. Счет пошел на секунды. Сол упал во время живых, Юа выдавила его наружу, точно каплю молока из набухшей груди.

Соломон Гурски падал. Иллюзии и добрые предчувствия сопровождали его возвращение к телесной жизни. Воображаемый свет; ангел, оставляя за собой след инверсии, пролетает над ночной стороной планеты, над темным океаном, держа курс к берегу, к горе, к долине, к огоньку костра среди кактусов, которые цветут лишь ночью. Тоска. Желание. Страх. Приобретение – и утрата. Божья сделка: чтобы сбы-

лось твое заветное желание, ты должен всецело отказаться от себя. Даже от воспоминаний.

В лоскутном спальном мешке у костра в укромной долине, пропахшей цветами кактуса, человек по имени Соломон Гурски проснулся от внезапного холода. Была ночь. Было темно. Звезды пустыни описали уже половину своей дуги по небосклону. Обложенный камнями костер догорел, лишь трещали алые угольки. Ночные ароматы пьянили, как колдовское зелье. В воздухе тихо порхали мотыльки, разыскивая нектар.

Сол Гурски вдохнул свой мир полной грудью и ощущая его всеми пятью чувствами.

«Я живой, – подумал он. – Я здесь. Вновь».

В задних отделах его мозга горел протосвет. Воспоминания о Юа, о силе, похожей на всевластие. Воспоминания о жизни, тянувшейся дольше, чем существование ее родной Вселенной. Планеты, солнца, силуэты. Вспышки, миги. Слишком тяжкий и драгоценный груз, чтобы уместиться в узелке этого крохотного мозга. Слишком яркий – разве можно жить с памятью о том, как ты был богом? Он поблекнет – уже блекнет. Все, что нужно удержать – обязательно нужно, – деталь, которая отклонит эту Вселенную от предназначенного ей курса.

Он с ужасом осознал, что за ним наблюдает пара глаз. Елена сидела на самом краешке тени, которую отбрасывал костер, подтянув колени к подбородку, обхватив руками гол-

ни, глядя на него. У Сола было ощущение, что она уже давно не сводит с него глаз. И удивление, неловкость, испытываемые при мысли, что за тобой следят, утомонила его страсть и то, пока молодое, желание, которое Елена возбуждала в нем, и тающие воспоминания о древней, длившейся несколько вечностей любви.

«Дежа вю». Но в прошлый раз этого мига не было. Расхождения начались.

– Не спится? – спросила она.

– Очень странный сон приснился.

– Расскажи. – Их отношения были на той стадии, когда они выискивали в снах друг друга отблески своей любви.

– Мне приснилось, что наш мир погиб, – сказал Соломон Гурски. – Он погиб в лучах света, вроде тех, что исходят от кинопроектора. Эти лучи несли в себе образ мира и всех его составных частей. И мир был создан вновь, точно так же, как и раньше.

Стоило ему произнести эти слова, как они стали истиной. Теперь та жизнь была сном. А эта жизнь, это тело, эти воспоминания превратились в нечто осязаемое, надежное.

– Вроде машины Типлера, – отозвалась Елена. – Это его идея, что энергию, высвобожденную Большим Всхлипом, можно использовать для создания голографической копии всей Вселенной. Наверное, когда нанотехнология достаточно разовьется, можно будет выстроить Вселенную заново, точную копию, атом к атому.

У Сола засосало под ложечкой. Не может быть, чтобы она знала. Нет, она не должна узнать.

– Что толку еще раз сооружать то же самое?

– Угу. – Елена прижалась щекой к коленке. – Вопрос в другом – это наш первый приход в мир или мы уже много раз побывали здесь и каждый раз что-то было чуть-чуть по-другому? Это первая Вселенная – или нам это только кажется?

Сол Гурски поглядел на угли, а потом на звезды.

– Индейское племя «проколотых носов» верит, что мир погиб на третий день существования, а мы живем в сновидениях его второй ночи.

Воспоминания, гаснущие, точно летние метеоры высоко над его головой, сказали Солу, что он уже однажды произнес эти слова, в их будущем, после своей первой смерти. Теперь он произнес их в надежде, что это будущее не состоится. Каждое различие, каждая крохотная деталь отпихивали эту Вселенную от той, в которой ему суждено потерять Элену.

Полосатый кусочек тектопластика в форме буквы «V», кувыркаясь, вечно падал в сторону Девы.

Моргнув, он прогнал призрак, и тот поблек, как и все остальные. Они исчезали быстрее, чем он предполагал. Придется принять меры прямо сейчас, пока не растаяло самое главное воспоминание. Он выполз из спального мешка, подошел к лежащему на земле усталому велосипеду. Сняв с

него фонарь, осмотрел зубчатки передачи.

– Что ты делаешь? – спросила Элена от костра. Их роман был совсем юн, но Сол помнил эту ее интонацию, нежно-вопросительную, по другой жизни.

– Смотрю на передачу. Что-то мне сегодня в ней не понравилось. Такое ощущение, будто что-то расшаталось.

– Ты раньше не говорил.

«Нет, – подумал Сол. – Я не знал. Еще не знал». Зубчатка переключателя ухмыльнулась ему в луче фонарика.

– Мы их здорово заездили. Я читал в одном веложурнале, что от этого бывает усталость металла. Колесико разламывается – и привет!

– На новеньких велосипедах за две тысячи баксов?

– На новеньких велосипедах за две тысячи баксов.

– И как ты собираешься это уладить в час ночи посреди пустыни Сонора?

Опять эта интонация «дуй-дуй отсюда». Еще секундочку, Элена. Еще одна мелочь, и все будет в порядке.

– Ну, что-то в ней чувствовалось не то. Я не хочу лезть в горы, пока не проверю ее в мастерской. Если там наверху передача полетит?

– И что же ты предлагаешь, перестраховщик ты мой?

– Мне не хотелось бы завтра подниматься на гору.

– Ну хорошо. Ладно. Идет.

– Может, двинем на запад, к побережью. Сейчас сезон китов. Я всегда мечтал их увидеть. И рыбные блюда там очень

вкусные. И есть одна кантина, где готовят пятьдесят разных кушаний из игуаны.

– Киты... Игуаны. Отлично. Все, что пожелаешь. А теперь, раз уж ты совсем проснулся, шевели задницей, Сол Гурски! Дуй сюда, мигом!

Она встала, и Сол увидел и почувствовал, что именно она скрывала, сидя в такой позе. На ней не было ничего, кроме обрешанной над пупком майки с буквами МТБ. Спасена, подумал он, схватил ее в охапку и со смехом и визгом повалил на надувной матрас. Не успев додумать мысль о спасении, он забыл ее, забыл всех Элен, которых теперь не будет: заговорщицу, остриженную под ноль партизанку, четверорукую космическую ангелицу. Забыл напрочь. Звезды описывали предписанные им дуги. Мотыльки и летучие мыши кактусовых зарослей парили в сладком темном воздухе, и в глазах зверей, которые охотились на эту порхающую мелочь, сверкали отблески костра.

На рассвете, когда цветы кактуса закрылись, Сол и Елена все еще смеялись и потирали бока, а также прочие утомленные части тела. Они съели завтрак и свернули свои скромные пожитки. Выбравшись из-за отрога горы, солнце застало их уже в седле. В пути. Они поехали по западному шоссе, оставив в стороне горы и спрятанный за ними поселок Реденсьон с его грузом воскрешенного горя. Они ехали по длинному шоссе, ведущему к самому; океану. Было солнечное бесконечно-безоблачное утро понедельника.